

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

НАЕМНИК

**ПРИНЦИП
МСТИ**

Наемник

Сергей Зверев
Принцип мести

«Научная книга»

2008

Зверев С. И.

Принцип мести / С. И. Зверев — «Научная книга»,
2008 — (Наемник)

Бывший спецназовец Дмитрий сменил на гражданке немало профессий. Но одно он умел делать особенно хорошо – драться. Потому и работал в последнее время личным телохранителем жены председателя правления крупного банка. Жизнь текла своим чередом, и Дмитрий даже не подозревал, что слава о его бойцовских навыках распространилась столь далеко, что его уже долгое время «пасут» заинтересованные люди из ФСБ. Вскоре ему делают предложение, от которого невозможно отказаться даже при всем желании. Дмитрия нанимают на роль самого настоящего гладиатора, чтобы он отправился в чрезвычайно опасную командировку в Тибет и принял там участие в боях без правил, в которых ставка – собственная жизнь. И все это для того, чтобы разоблачить международного преступника Богуславского, который, по данным ФСБ, и организует кровавые схватки...

© Зверев С. И., 2008

© Научная книга, 2008

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Сергей Зверев

Принцип мести

Часть 1

Я взглянул на свои командирские: цифра в окошке показывала, что до конца света, если верить предсказаниям астрологов, осталось всего одиннадцать дней. Стрелки часов замерли где-то в районе пяти. Это означало, что до конца смены целых два с половиной часа. Я готов был безжалостно вычеркнуть их из своей жизни, даже ценой приближения апокалипсиса.

Служба в офисной, или, как ее еще называют, «столбовой», охране весьма муторное дело. Весь день ты стоишь на входе, словно каменное изваяние, а мимо тебя снуют посетители и клерки, едва ли подозревающие о том, что ты существо одушевленное, но опасно тебя обходящие, поскольку идол, караулящий «калитку», вооружен. Мне говорили об издержках этой профессии, и с течением времени я стал ощущать их на себе: настроение мое перед заступлением на пост падало, затем наступала «агрессивная депрессия»: я проваливался в какую-то черную пустоту, и бороться с этим состоянием было практически невозможно.

Но мне не приходилось выбирать. После неудачи с «Приват-сервисом» у меня уже не было никакого желания тащить на себе такой неподъемный груз, как детективное агентство. Попытка открыть охранное предприятие также не увенчалась успехом: мои спарринг-партнеры по школе боевых искусств уже заполнили эту нишу – часть из них стала «чохами», частными охранниками, часть подалась в криминал, остальные, такие же неприкаемые, как и я, в поисках возможности хоть как-то подзаработать, соглашались на все. «Крыш» было так много, что если бы какой-нибудь художник вдруг задумал графически изобразить, к примеру, систему безопасности «Лири-банк», в котором я подвизался, у него получилась бы пагода.

Место охранника я получил случайно: как-то, зайдя в валютный отдел, чтобы поменять на рубли последнюю сотню баксов, я столкнулся в дверях с начальником секьюрити и попросил у него закурить. Надо сказать, после известных событий на теплоходе «Гермес» лицо мое изрядно пострадало, превратившись в наглядное пособие для кружка челюстно-лицевой хирургии; многочисленные шрамы и отметины придавали ему своеобразный криминальный шарм, отчего моя природная ласковость едва ли угадывалась за угрюмым фасадом, а слегка вздернутый нос говорил не о чувстве юмора, а о садистских наклонностях. Поэтому, когда я обращался к незнакомым людям с вопросом или какой-нибудь пустяковой просьбой, реагировали они, как правило, нервно.

Начальник секьюрити торопливо полез в карман за сигаретами, а потом вдруг спросил, где я работаю и не хочу ли пройти собеседование на предмет трудоустройства. После беглого изучения моих анкетных данных он предложил мне войти в штат «столбовой» охраны с заработной платой 150 – 200 долларов в месяц. Для меня это были приличные деньги, и я без всяких предварительных условий согласился, хотя, как выяснилось позже, любая операционистка «Лири-банк» получала на порядок больше.

А потом потянулись серые безликие дни, стояние на часах и невыносимо долгое ожидание какого-то хронически запаздывающего чуда. Или катастрофы. Ведь отсутствие перемен к лучшему чем-то сродни катастрофе.

Я в который раз взглянул на часы и постарался абстрагироваться от окружающей меня действительности. Еще два часа. И одиннадцать дней. Весьма утомительное это занятие – ждать конца света. Даже если он действительно наступит и предсказательский зуд многих поколений облечется в библейское пророчество. Но сколько было их, предсказаний, полчища Нострадамусов предвещали тьмы апокалипсисов, а «Лири-банк», чтоб ему лопнуть, как стоял,

так и стоит. Атака Юпитера кометой Шумейкера закончилась ничем. Последняя надежда на метеорит, который, по последним научным данным, должен шлепнуться на головы беспечных парижан. Учитывая погрешность в расчетах, можно предположить: в самый последний момент он круто изменит свою траекторию и по закону подлости рухнет на наш многострадальный город...

Я поймал себя на мысли, что уже почти хочу этого. Чего угодно, лишь бы не торчать истуканом перед дверью и не пялиться на плакат с надписью «Соразмеряйте свои потребности со своими возможностями», на котором изображен рыбак с удочкой, восседающий на огромной рыбине, заглатывающей крючок.

Да, сегодня мир готов ко второму пришествию Христа меньше, чем когда бы то ни было, но больше, чем когда бы то ни было, готов к Армагеддону.

Я боролся с пустотой, пронизывающей меня, подобно болезнетворным бактериям, всеми доступными мне способами, но все было тщетно. Афоризмы не рождались, легкость и изящество слога, тонкая лисья усмешка на кончике пера – все эти вольтерьянские штучки не вытанцовывались. Когда-то мне удавалось совмещать чтение Библии с торговлей бананами в подземном переходе, однако в банке было строжайше запрещено заниматься самообразованием в службное время, и потому любая литература автоматически попадала в разряд крамольной. Единственным моим собеседником, оппонентом и психоаналитиком был я сам. «Будь глубже своего ума, – советовал я себе, – мудрее своего характера, дальновиднее своей интуиции. Ты не можешь допустить, чтобы с тобой случилось несчастье, постигающее всех – быть одним из многих. Будь Вселенной, себя познающей...»

Мимо меня, мимо Вселенной, себя познающей, протопали, даже не взглянув, два гиппопотама при галстуках.

– Недавно Демидович провел тендер между пятью фирмами, торгующими фанерой, – сказал один из них.

– Пошел ты со своим Демидовичем и со своей фанерой в задницу, – беззлобно отозвался другой. – Я хочу отдохнуть хоть пару недель...

У всех свои проблемы. В августовскую жару пик деловой активности, как известно, спадает. А проблемы остаются – как обнаженные ребра коралловых рифов. Кому-то они не дают покоя даже в отпуске. Большие деньги – большая радость.

Я подошел к зеркалу и попытался придать своей хмурой физиономии оттенок самодостаточности, присущей швейцарам и охранникам крупных фирм. Образина, взглянувшая на меня из зеркала, обдала меня такой смертной тоской, что мне сразу расхотелось гримасничать. Хорошо быть мертвым и лежать на пляже.

Из умывальника, расположенного в коридоре, вышла смазливая операционистка. Ее крохотные ладошки работали как пропеллеры.

– После мытья рук нельзя стряхивать воду на пол, – сказал я, – меня еще бабушка учила.

– Это почему же? – холодно осведомилась она неожиданно низким грудным голосом.

– Есть такая примета: от этого черти плодятся.

Она пренебрежительно пожала плечами и, ни слова не говоря, удалилась в операционный зал. Я еще не совсем освоился с банковской табели о рангах. Что ж, эта фея из компьютерного домика прозрачно намекнула мне, кто есть кто. Соблазнить ее на ближайшем междусобойчике было делом моей чести. Думаю, жена одобрила бы мой выбор и сочувственно отнеслась к побудительным мотивам, которыми я при этом руководствовался.

Не в силах более находиться в душном закрытом помещении, я вышел на свежий воздух и остановился на гранитных ступенях, ведущих к главному входу. Над моей головой ослепительно сияла золотая лира. Прохожих было мало. По противоположной стороне улицы пробежала длинноухая дворняга. Возле маленького продуктового магазинчика собака замедлила ход и посмотрела на висящий снаружи замок. «Закрето», – подумала она. «Почему так рано?»

– задался вопросом я, но ответа не нашел. Какая-то пожилая женщина с внешностью домохозяйки спросила меня, как пройти в народный суд.

– Насчет алиментов, – зачем-то уточнила она. – Сноха замудохала.

Я объяснил ей. Она ушла. Затем из-под помпезного античного портика служебного входа выскочил председатель правления банка, востроносый господин с вытянутой шеей, и прямоком направился к своему автомобилю – «Мерседесу» цвета индиго с круглыми фарами. Дюжие телохранители бежали за ним, как юные натуралисты за редким экземпляром местной фауны. Глава «Лиры» обошел машину и с удовольствием покачал ее, опершись руками о багажник. Казалось, еще немного, и он приступит к подготовительным ласкам с тем, чтобы в дальнейшем довести ее до оргазма. Я давно заметил: есть такой тип мужчин. Отношения с женщиной они склонны проецировать на личный автотранспорт. Их жены почти стопроцентно ревнивы.

Банкир не удостоил меня своим драгоценным вниманием: он нечасто снисходил до обслуживающего персонала и уж тем более не опускался до общения с простыми охранниками. Когда «Мерседес», удивленно взирая на мир выпученными глазами, укатил, я вновь погрузился в душевную кому. Обычное состояние обычного человека – безмыслие, в лучшем случае манипулирование озвученными картинками ближайшего прошлого или воображаемого настоящего. Я давно заметил: процесс мышления начинается только по принуждению или по конкретному поводу. Председатель правления банка Дробышев Алексей Дмитриевич со своей навороченной тачкой занимал меня мало. И вообще, плевать я хотел на его тачку.

Я ничего не жду, ни на что не претендую. Просто хочу понять, куда я попал тридцать три года назад. В моем возрасте сын плотника из Назарета создал величайшую религию на земле, а Будда уже совершил большую часть своих аскетических подвигов. Впрочем, я не об этом. Человечество есть волна, бегущая к земле обетованной...

За моей спиной раздался характерный щелчок. Кто-то снял пистолет с предохранителя? Моя рука машинально потянулась к наплечной кобуре. Я медленно повернул голову и увидел слегка подержанную, но все еще привлекательную блондинку с пышными волосами, которая тщетно пыталась добыть огонь из зажигалки со сбитым кремнем. К ее полным чувственным губам, накрашенным ярко-красной помадой, прилипла сигарета. Наверное, если бы Мэрилин Монро благополучно вышла замуж, она выглядела бы такой же усталой. Хотя и менее вульгарной. Наверное, всю жизнь эта блондинка мечтала купаться в роскоши, а когда ее мечта осуществилась, обожралась своим счастьем. Небрежно висящее на бретельках слегка помятое «простенькое» платье за тысячу долларов подтверждало мою догадку.

– Чего уставился? – не презрительно, а как-то даже полупрезрительно проговорила она. – Помоги даме прикурить.

– Эта сигарета очень идет вам, – сказал я, не обращая внимания на ее тон. – Но если бы я был волшебником, я превратил бы ее в орхидею.

Черт меня дернул флиртовать с ней. От бесконечного стояния в «привратничкой», от этого постылого времяпрепровождения сатанеешь настолько, что готов уже на все, даже на заигрывания с богатой женщиной бальзаковского возраста. Лень – двигатель прогресса, скука – двигатель любви. Впрочем, в моем случае это чувство в его наиболее распространенной – поверхностной – форме имеет под собой несколько иное основание: если я осмеливаюсь любить, то я бросаю вызов той жизни, которая каждый день склоняет меня к ничтожеству.

Блондинка смерила меня долгим изучающим взглядом, повертела сигаретой и, немного подумав, бросила ее на тротуар.

– Почему ты торчишь на улице, а не внутри, как это положено по инструкции? – вдруг поинтересовалась она неожиданно властно.

– А вы что, новый начальник службы безопасности?

– Не твое дело.

После этой фразы мне окончательно расхотелось флиртовать с ней. Пусть годзилла выдумывает для нее комплименты и упражняется в галантности. Кто она такая? И почему так разговаривает со мной?

– Я иногда спрашиваю себя: а что, распоряжение начальства разве не повод задуматься? И прихожу к печальному выводу. Увы, не всегда.

На всякий случай я решил быть необидчивым и предельно толерантным.

– Это почему же?

– Внутри помещения обзор ограничен. Чтобы владеть обстановкой, мне нужно видеть все.

– Ладно, расслабься, – милостиво разрешила она. – Духота какая, с ума сойти. На меня жара действует отупляюще. Вообще жаркая погода.

– А на меня всякая погода действует отупляюще.

– Вижу, парень ты неглупый, проехаться по ушам умеешь. Ты давно здесь работаешь?

– Ваши документы...

– Что? – опешила она.

– Должен же я знать, кому выбалтываю секреты фирмы. Может, вы промышляете финансовым шпионажем или готовите покушение на моего шефа. У вас в корсете нет отравленного кинжала?

– Значит, ты здесь недавно, – усмехнулась она. – А кем до этого работал?

– В графе «Разное». Вообще-то моя основная специальность – ваятель женских грез. Я помогаю ненадолго забыться. На большее в этой жизни рассчитывать нельзя.

Она взглянула на меня по-новому, сквозь нежную дымку своих серо-голубых глаз.

– А телохранителем ты когда-нибудь был?

– Да. Уитни Хьюстон осталась мной весьма довольна. Мы с ней даже снялись в фильме с одноименным названием. Ладно, пойду немного по коридору погуляю, от рук отобьюсь, – сказал я, открывая входную дверь с эрмитажной ручкой.

– Стой, ты куда пошел? Ты не туда идешь. Садись в автомобиль.

Она уже диктовала мне свою волю. Кому это может понравиться?

– Попрошу обращаться со мной, как с ценным железнодорожным грузом, – сказал я спокойно и одарил ее вежливой ледяной улыбкой.

– То есть?

– Не переправлять толчками, не пропускать через горки.

– Не ершись. Я просто хочу знать, что ты собой представляешь.

– Мне известна разница между контрольным выстрелом и предупредительным.

С этими словами я закрыл за собой дверь. Перед зеркалом мне захотелось продублировать свою вежливую ледяную улыбку, но получилось совсем не то, что я ожидал увидеть. Я назвал бы эту мимическую композицию «рабочим оскалом секьюрити». Глупый разговор. Да и как еще может вести себя мужчина со слабо развитой инфраструктурой (дом – работа без вариантов) с богатой женщиной? Обычный выпендрей, натужное остроумие и мучительное желание казаться значительнее, чем ты есть на самом деле. Но я не выгибал спину, не заискивал, когда меня гладили по головке, не бросался на все блестящее и не ловил вождедеющим взором волшебный миг удачи. Может быть, это и есть то, что мы называем достоинством.

* * *

Как говорил знаменитый сыщик Ниро Вульф, распоряжаться событиями мы не можем, но должны делать так, чтобы они происходили. Оказывается, пять минут досужей болтовни с состоятельной дамой могут значить для карьеры рядового охранника больше, чем годы упорных тренировок и все его предыдущие заслуги. Мои профессиональные качества не интересо-

вали никого – решающую роль в продвижении по службе сыграла моя способность говорить женщинам приятные, ласкающие слух вещи. Поэтому когда на следующий день я занял свой пост, начальник службы безопасности огорошил меня известием:

– Ты здесь больше не работаешь.

И ухмыльнулся – широко и многозначительно.

– То есть как? – спросил я, испытывая нарастающую внутреннюю потребность встать на дыбы.

– Ты переведен в «личку».

Это означало, что с сегодняшнего дня я стал телохранителем со всеми вытекающими отсюда последствиями – новый босс, новая зарплата, новый график работы, ну и, конечно же, новые заморочки.

– И знаешь, кого ты будешь оберегать от дурного глаза?

– Начальника валютного отдела? – предположил я в шутку.

– Бери выше. Жену Дробышева.

Услышав фамилию председателя правления банка, я сразу сообразил, с кем имел дело вчера и кому так опрометчиво представился «ваятелем женских грез».

– Получать будешь от пятисот и выше. Но дамочка не подарок. Никто больше двух недель не выдерживает.

– Если она попросит потереть ей спинку в джакузи, я возьму расчет...

– Нет, тут другие приамбасы. Очень капризный характер. И самое главное – у нее куча денег и масса свободного времени. Баба просто с жиру бесится – магазины, презентации, казино... Сам понимаешь, дорвалась до сладкой жизни.

– Понимаю, – сказал я, не зная, радоваться мне или печалиться ввиду такой перспективы.

– Что я должен делать? Куда бежать, за что хвататься?

– Езжай прямо сейчас по адресу...

Начальник службы безопасности протянул мне желтый приклеенный листочек с домашним адресом и пожелал ни пуха ни пера.

Спустя полчаса я подошел к огромному, напоминавшему нагромождение сказочных теремов дому, построенному по спецзаказу нескольких сверхбогатых семей, и нажал кнопку домофона. Дверь мне открыл вахтер с бицепсами Шварценеггера. По внутреннему телефону он связался с госпожой Дробышевой и, получив подтверждение, предложил мне подняться на третий этаж. На лифте.

– Спасибо, я пешком.

– Здесь нет лестницы.

– А если я застряну?

– Лифт имеет автономный источник питания.

– Хотел бы я работать в этом доме лифтом...

Жена банкира встретила меня так, словно я был мелким домашним животным, которому не разрешается запрыгивать на диван, лежать на подушках и грызть веточки герани. Своим подчеркнуто пренебрежительным отношением к моей неприятной особе она сразу поставила меня в определенные рамки, выходить за которые я не имел права.

– Найди музыку, – сказала она, даже не поздоровавшись со мной.

Я мельком взглянул на горы аппаратуры, встроенной в темно-вишневую стенку, и без труда отыскал ручку настройки радиоприемника. На розовом стеганом халате своего «объекта» я старался не акцентировать внимание. Человек, для которого я пустое место, сам является для меня таковым.

– Как говорил один ди-джей, музыка стимулирует работу слухового аппарата, – заметил я мимоходом.

– Дурак твой ди-джей.

Из динамиков полилась медленная расслабляющая музыка изумительной красоты.

– Оставь. Будем считать, что с первым заданием ты справился.

– На сегодня я могу быть свободен? – учтиво поинтересовался я.

На сей раз она жестко сфокусировала на мне свой взгляд. В нем сквозило недовольство.

И ни намек на улыбку.

– Будешь шутить, когда исполнишь остальные тридцать три.

Она опустилась в кресло, обитое тканью с узором леопарда (я не удивился бы, окажись она действительно шкурой леопарда), и на миг закрыла глаза. Потом широко распахнула их и судорожно, словно утопающий, заглатывающий порцию воздуха, вздохнув, сказала:

– У нас еще есть сорок минут перед тем, как отправиться в супермаркет и дом моделей.

Расскажи мне о себе.

– Зачем? Вы уже наверняка навели обо мне справки.

– Между анкетой и человеком дистанция огромного размера. Не тяни, все равно я выужу из тебя всю информацию.

Я в двух словах рассказал ей, где родился и где крестился. Она иногда перебивала меня, уточняя кое-какие детали.

– А слабости у тебя есть? Спиртное, наркота, женщины? – поинтересовалась она.

– Есть. Как бывший военный я хорошо ориентируюсь в пространстве. Однако у меня слабо развит абстрактно-логический аппарат.

– То есть?

– Не понимаю, зачем я вам нужен. Ведь вы даже не удосужились посмотреть меня в деле.

– Главное, не кулаки, а голова. А с головой у тебя все в порядке. С головой ты дружишь.

За эту характеристику я мысленно поставил ей арабскую цифру «пять». Но экзаменовка продолжалась.

– Чем ты занимаешься в свободное время? У тебя есть хобби?

Я перебрал в уме все свои увлечения за последние десять лет и не нашел ни одного, достойного упоминания и хотя бы приблизительно подходящего под это определение. Библия, восточные единоборства и коллекционирование солдатиков не в счет. Приключения? Их было более чем достаточно, хотя к моим нынешним обязанностям они отношения не имели.

– Мое единственное хобби – работа, – бодро доложил я.

Пожалуй, так оно и было: работа постепенно превращалась для меня в дурацкий смысл дурацкой жизни и вытесняла все иные потребности.

– Будешь крутить хвостом, пойдешь туда, откуда пришел и даже дальше, – прищурившись, сказала она.

– Люблю делать что-нибудь по дому, своими руками, – честно признался я. – Затирку окон, например...

– А это еще что такое?

– Конопатка оконных рам паклей, смоченной в цементном молоке.

– Что еще?

– Демеркуризация люминесцентных ламп и ртутьсодержащих приборов, ремонт зонтов и вставка змеек, изготовление домашней мебели – шкафов, книжных полок, табуретов. Из подручных средств.

Я не стал добавлять, что мое самое любимое занятие – лежать на диване и препарировать время, разгадывая его загадку и разрабатывая способы бегства от него. Думаю, мое признание было бы неправильно истолковано.

По радио зазвучала реклама бензовозов из Пензы. Я подошел к музыкальному центру и крутнул ручку настройки. Комната наполнилась звуками рок-н-ролла.

Она молчала, думая о чем-то своем и сосредоточенно глядя в окно, наполовину прикрытое жалюзи. Настал мой черед обратиться к ней с вопросом.

- Как мне прикажете обращаться к вам? Я до сих пор не знаю вашего имени.
- Называй меня Светлана.
- Странно.
- Что тут странного?
- Мою жену зовут так же.
- Впредь постарайся не путать дом с работой, а меня – со своей женой.

Я почувствовал, как передо мной опустился полосатый шлагбаум и перевел дух. Это многое упрощало – круг моих обязанностей обозначился, и сводились они лишь к обеспечению ее личной безопасности, не считая мелких текущих поручений. Что, собственно, и требовалось доказать.

– И последнее, – подвела черту Светлана. – Ты можешь гарантировать, что со мной в твоём присутствии ничего не случится?

- Вы не могли бы выражаться поконкретнее?
- Не могла бы. Я спрашиваю – ты отвечаешь.
- Такой гарантии не даст вам и сам Господь Бог. Черный ворон тоже смертен.
- Что ты хочешь этим сказать?
- При хорошо организованном нападении погибают все: и «объект», и его телохранители, сколько бы их ни было.

Она задумчиво покачала головой, как бы взвешивая шансы сохранить свой покой в первоначальной чистоте и девственности, и деловито произнесла:

– Вот ключ от гаража, вот от машины. Гараж в подвале. Через пять минут выезжаем. Ты водил когда-нибудь «Крайслер»?

– В автошколе ГАИ, – сказал я.

Она не уловила иронии в моих словах и вряд ли даже расслышала их. Мысли ее были заняты предстоящими покупками.

Кое-как выполнив ее второе поручение, я припарковался во дворе и в ожидании своего «объекта» откинулся на спинку водительского кресла. За штурвалом «Крайслера» мне еще сидеть не приходилось. Жизнь сделала ослепительный вираж, смысл которого был мне еще неясен. Энтузиазма по этому поводу я не испытывал, хотя мое туманное будущее представлялось мне интересным и вызывало жгучее любопытство. Сменив свой скромный костюмчик на что-нибудь более приличное, я мог бы, пожалуй, производить впечатление приличного человека. Вот только на кого и зачем? И нужно ли это мне?

Спустя полчаса Светлана соблаговолила спуститься вниз, оставив свои апартаменты под попечительство вахтера с рельефной мускулатурой, и села в автомобиль.

– «Звездный», – бросила она.

И мы поехали в «Звездный», самый навороченный супермаркет в городе, где она обычно делала покупки.

При выезде из арки я краем глаза заметил движение на обочине – за нами увязался какой-то невзрачный «жигуленок» кремового цвета. Верный своей привычке не упускать деталей, я на всякий случай «сфотографировал» его номер. Затем свернул в глухой проулок и вырулил на параллельную улицу.

- Что за фокусы! – тут же напомнил о себе мой «объект».
- Меры предосторожности. Мне не нравится тип, который висит у нас на хвосте.
- Кремовый «жигуленок» выскочил из проулка вслед за нами.
- Плонуть и растереть, – хмыкнула Светлана. – Больше никакой самостоятельности.

Едешь только туда, куда я приказываю.

– Воля ваша.

В супермаркете мы пробыли довольно долго. Из водителя «Крайслера» я переквалифицировался в рулевого тележки. Едва поспевая за Светланой, я наполнял «потребительскую

корзину» продуктами, на которые она указывала пальчиком; к концу первого часа у меня уже рябило в глазах от колбас, окорочков, консервных банок и пакетов.

– Пошевеливайся, не спи на ходу, – потирали меня она.

Возле женского туалета она позволила мне сделать небольшую передышку. Эту паузу я решил использовать в интересах ее же безопасности: вышел из супермаркета и, делая вид, что направляюсь к ближайшему табачному киоску, прошел мимо кремового автомобильчика. Водителя в нем не было. На всякий случай я осмотрел машину на обратном пути. Взгляд зацепился за матерное слово, нацарапанное гвоздем на дверце. Теперь я мог идентифицировать эту тачку из тысячи ей подобных.

– Ты где шляется?

Возмущению Светланы не было пределы.

– Я не думал, что вы так быстро.

– Я все делаю быстро. Ты не ответил на мой вопрос.

– Ходил за сигаретами.

– Ты же не куришь.

– В новую жизнь – с новыми привычками, – сказал я, испытывая сильный соблазн высказаться иначе. «С тобой не только закуришь...»

– Еще раз отлучишься без разрешения – пролетишь с премиальными, как фанера над Парижем.

Она произнесла – «фанэра».

– Следуй за мной.

В доме моделей Светлана занималась бесконечными примерками – то ей не нравилась расцветка платья, то не устраивал фасон, и уж совсем не укладывалось в голове, откуда берутся такие цены. Выглянув из кабинки для переодевания, она подозвала меня.

– Застегни молнию на спине.

– Я телохранитель, а не фрейлина, – попытался возразить я.

– Делай, что говорят.

Мне пришлось подчиниться. Затем она попросила расстегнуть молнию и, нисколько не стесняясь моего присутствия, стала стягивать с себя облегающее ее фигуру платье. Я деликатно вышел из кабинки: у меня не было никакого желания «путать дом с работой», а жену с сексуальным «объектом», который я подрядился охранять.

– Сейчас едем домой, выгружаем весь этот хлам из багажника, затем обедаем в ресторане и пилим в массажный салон. После этого парикмахерская и вечерний коктейль, – обрисовала мне дальнейший план действий Светлана.

– Во сколько я освобожусь?

– Я сообщу об этом дополнительно. И мой совет тебе на будущее: не задавай лишних вопросов, я этого не люблю. А теперь вперед, заре навстречу.

Кремовый «жигуленок» куда-то исчез, но ненадолго. Как только мы вышли из ресторана (пока Светлана обедала, я болтался возле гардероба), он объявился на противоположной стороне улицы под другими номерами. Но слово, нацарапанное гвоздем на дверце, красноречиво свидетельствовало о том, что перед нами те же лица, те же персонажи. Наши преследователи не успели переокрасить свою колымагу в «мокрый асфальт» или «сафари» и не особенно заботились о сохранении инкогнито: они разглядывали нас с подлинно научным интересом, как команда Ива Кусто обитателей подводного мира через толстые стекла батискафа, и даже обменивались при этом репликами. Вряд ли эта компания могла представлять серьезную угрозу для моего «объекта». Но не мешало бы выяснить, с какой целью нас пасут и как долго это будет продолжаться.

– У вас нет тайных недоброжелателей? – поинтересовался я у Светланы.

– У каждого, кто богат, есть недоброжелатели, – сказала она.

- И вы не имеете при себе драгоценностей?
- Золотая цепочка за штуку баксов драгоценность?
- Думаю, да...

– Ты всегда такой подозрительный? – не скрывая своего раздражения, спросила она, когда мы уже подъезжали к массажному кабинету.

– В этом суть моей работы. Надо быть начеку.

– Ну и флаг тебе в руки. Пока я буду приводить себя в порядок, заправь и помой машину. Можешь где-нибудь перекусить. Кстати, о твоей маниакальной осторожности...

Она уже самостоятельно выбралась из «Крайслера», отказавшись от протянутой ей руки, и разговаривала со мной вполоборота, стоя под вывеской, на которой значилось: «Афродита. Женский клуб».

– Я не нашла в твоей анкете никаких сведений о боевых наградах. Согласись, для бывшего военного...

– Вот что меня отличает, так это ленинская скромность, – сказал я. – Между прочим, вождю мирового пролетариата была вручена всего одна награда – орден Труда Хорезмской республики.

– Ты даже это знаешь. Ладно, до пяти ты свободен, – сказала она и под мелодичный перезвон колокольчиков скрылась за дверью женского клуба. Не знаю, как насчет массажа, но этот клуб был пионером в нашем городе. По части мужского стриптиза.

После того как все указания моего босса в юбке были неукоснительно выполнены, я позволил себе заехать домой что-нибудь перехватить. Жена долго не могла прийти в себя, узнав, кем я с сегодняшнего дня работаю, и беспрестанно выглядывала в окно, опасаясь, как бы кто-нибудь не угнал сияющий ослепительной белизной «Крайслер». У меня замечательная жена. Правда, в последнее время она начала толстеть. Критика справа и слева, спереди и сзади неизменно приводила к прямо к противоположному результату – моя вторая половина продолжала добреть, как на дрожжах. Что ж, хорошего человека должно быть много; избыток веса с лихвой компенсировался ее душевными качествами, и я легко с этим мирился. Надо сказать, женился я поздно и вполне осмысленно. В том возрасте, когда все нормальные люди уже разводятся, мы переживали семейную идиллию, наш брак вступал в фазу своего расцвета. Гармонично дополняло нашу совместную жизнь наличие ребенка. Я хотел, конечно, мальчика, но появилась девочка – Настюшка. Я любил этого маленького человечка всеми фибрами своей души, но от своих милитаристских планов по поводу сына не отказывался.

Чтобы сделать жене приятное, я похвалил ее прическу.

– Что ты, это же просто хвостик, – зарделась она.

– Это не просто хвостик. Это чубчик наоборот. Ну, я поехал. Когда вернусь, не знаю. Очень много работы...

Если бы я знал, до какой степени пророческими окажутся мои слова...

Выходя из дома, я увидел на детской площадке соседскую семью.

– Где папа? – тонюсеньким голоском вопрошала мамаша.

Их сынишка, двухлетний бутуз, усиленно вертел головой, но своего родителя, выглядывавшего из-за дерева, не видел.

– Где папа? Где прячется?

– Кто где прячется? – спросила девочка, проходившая мимо.

Я подумал о том, как много пришлось пережить моей жене и скольких опасностей ей удалось избежать, – она чуть было не осталась вдовой с ребенком на руках. Все эти годы не прошли для нее бесследно. А сколько треволений ей еще предстоит пережить?

Между тем мой ненормированный рабочий день продолжался. В назначенное время я подогнал «Крайслер» к женскому клубу и принял на борт трех «афродит» – Светлану и двух ее подруг, жен «новых русских», развлекающихся в отсутствие мужей. По длине их ног и совер-

шенству маникюра можно было предположить, что они никогда не держали в руках ничего тяжелее пилки для ногтей; их холеные лица, идеальный загар и бархатистая кожа свидетельствовали о сверхтщательном уходе за телом. Одним словом, они были похожи на дорогостоящих шлюх и одеты соответственно – глубочайшие разрезы от бедра, оголенные животы, спины и плечи. К моему удивлению, их непрерывный щебет перемежался отборным матом – новая элита не стеснялась в выражениях. Меня они воспринимали как деталь автомобиля, без которой автомобиль не способен сдвинуться с места. Лишь при подъезде к дому Светланы одна из «ледей» обратила на меня внимание:

– Это твой новый еб...рь?

Восточный тип ее лица, не выражавшего ничего, кроме праздного любопытства и скуки пресыщения, в моем представлении плохо сочетался с ненормативной лексикой.

– Так, Тяни-толкай, принеси-подай, – махнула рукой Светлана.

– Ну и рожа. А почему он все время молчит?

– Лучше молчать и слыть идиотом, чем заговорить и развеять все сомнения, – пришел на выручку своему боссу в юбке я.

– О, какой нестандартный ум! А как он в постели?

Я отвлекся от управления автомобилем и, повернувшись к ней, сказал:

– Если вам нужен специалист в области прироста населения, то вы не по адресу.

– А он душка, – хихикнула раскосая.

– Смотри на дорогу, – резко одернула меня Светлана.

«Работенка не бей лежачего», – подумал я, уже начиная подозревать, что «вечерний коктейль» станет серьезным испытанием для моей моральной устойчивости. Но в данный момент меня занимало другое: где «жигуленок» кремового цвета? Он так и не появился. Мы остались без эскорта. На всякий случай я удвоил бдительность – отсутствие хвоста могло быть плохим предзнаменованием.

Благополучно добравшись до дома Светланы, мы поднялись в ее квартиру и заняли большую угловую комнату, служившую одновременно оранжереей. Хозяйка и ее гости вольготно расположились на овальном диване возле журнального столика, я устроился поодаль. Поскольку я был единственным мужчиной, в мои обязанности входило обслуживание дам: время от времени я разливал напитки и обновлял содержимое стола запасами из холодильника.

Они отдавали предпочтение мартини с тоником и орехам с экзотическими названиями. Заметив, что я слишком старательно соблюдаю дистанцию, Светлана окликнула меня.

– Ты чего там делаешь?

– Ничего. Сел и сижу как таковой, – отозвался я.

– Иди сюда.

Я подошел.

– Пей, – приказала она, налив мне до краев стакан мартини.

– На службе не пью.

– Хватит строить из себя паиньку. Три красивые бабы предлагают ему выпить, а он отказывается. Сам небось давно на кого-нибудь глаз положил. Все вы, мужики, одинаковые.

Светлана залпом выпила предназначенный мне стакан и с вызовом посмотрела на меня.

– А теперь я хочу, чтобы ты разделся. Снял с себя все, кроме кобуры и пистолета. Будешь обслуживать нас в костюме Адама.

Ее подружки заинтересованно притихли, видимо, в ожидании моей реакции на столь экстравагантный приказ.

– Предлагаю другой вариант. Раздеваетесь вы. Должен же я знать, как выглядит тело, которое я охраняю. Остальные могут последовать вашему примеру.

Мое предложение было встречено с восторгом. Срывая с себя дорогие тряпки, женщины в мгновение ока обнажили все свои прелести и вновь как ни в чем не бывало занялись ничего не значащей трепотней.

Я благоразумно удалился и занял свое прежнее место. Меня смутило преизобилие оголенной натуры: честно говоря, я не знал, куда деть глаза, и сделал вид, что изучаю журнал мод, случайно подвернувшийся мне под руку. Не скрою, вид красивых женских тел действовал на меня возбуждающе, но при всем моем желании эти рафинированные особи не вызывали во мне ни восхищения, ни теплоты, ни нежности. Все, что угодно, только не благоговение, даруемое присутствием Женщины. В их честь я никогда бы не стал слагать стихов, совершать сумасбродных поступков, нести всякую восторженную чепуху. Их можно было только покупать – как дорогой товар. Ими можно было только пользоваться.

Я отбросил журнал в сторону и занялся изучением флакона, стоявшего на тумбочке. Аромат мне понравился, но названия я не разобрал – то ли «Каналья», то ли «Канталья». Я щедро оросил себя парфюмом и поставил флакончик туда, откуда взял. Мне пришла в голову мысль: уж лучше карликовая фирма в карликовом Монако, как у моего непутевого однокурсника по прозвищу Панк, чем «личка». Бизнес, конечно, тоже карликовый, но это все-таки хоть какая-то гарантия стабильности. Ты не зависишь от капризов нуворишей и в гораздо большей степени принадлежишь себе...

Дамы были всецело поглощены изучением ювелирных изделий из камней, которую привезла с собой вторая подруга Светланы – сравнительно молодая, с милым инфантильным личиком и тщательно выбритыми интимными местами.

– Фирма? Финляндия? – заинтересовалась раскосая.

– Нет, наш, отечественный производитель.

Она прочитала сопроводительный текст на упаковке: «Кондоножский камнерезный завод. Карелия».

– Не путать с кондожопским, – сострила Светлана.

– Как? Кондо...

– Тебе же говорят: кондом. Гондон по-русски.

– А что это такое?

– Спроси у молодого человека, он тебе объяснит.

– Вот у этого? – кивнула на меня раскосая.

– Да, у этого.

Плавное поводя бедрами, она подошла ко мне и устроилась на моих коленях. Видимо, в детстве она была любимицей отца, и с тех пор эта милая привычка органично вошла в ее взрослую жизнь.

– Ну же, отвечай... И постарайся удовлетворить меня свои ответом.

– Вы обладаете даром очаровывать...

– Даром? Я бы не сказала, – скаламбурила она.

Я перевел дух и постарался умерить учатившееся сердцебиение – плоть, ерзающая у меня на коленях и льнущая ко мне, действительно дорого, очень дорого стоила. Но это была всего лишь плоть.

– Больше мне, увы, добавить нечего.

– И это все? Запомни, при любых обстоятельствах мужчина должен оставаться галантным, – сказала раскосая.

И привела в пример английского короля Эдуарда III, который, как свидетельствует история, был верхом галантности. Когда в 1315 году он танцевал на балу со своей фавориткой графиней Солсбери, с чулка великосветской дамы слетела синяя, украшенная драгоценными камнями подвязка. Чтобы сгладить неловкость, король нашел остроумный выход: он объявил об учреждении нового королевского ордена – ордена Подвязки...

Но до Эдуарда III мне было, конечно, далеко.

– Он всего лишь телохранитель, – вмешалась Светлана и отчего-то нахмурилась.

– Галантность – это компенсация за то, что мы делаем с женщинами в постели, – пропустив мимо ушей ее замечание, пошел на обострение я.

– Маленький симпатичный типунчик на твой огромный язычище, – немедленно откликнулась раскосая и щелкнула меня по носу.

Я догадывался, что за этим последует, и сознательно форсировал события в нужном направлении. А в Светлане разыграло чувство собственности.

– Ладно, возвращайся за наш столик, – вполне миролюбиво прервала наше воркование она.

– Не хочу, – сказала раскосая. – Я у тебя перекупаю этого забавного человечка с такой страшненькой, как у бульдога, мордочкой.

Приятно и чуть боязно, когда тебя домогается красивая, сексуально раскрепощенная женщина в состоянии легкого алкогольного опьянения.

– На сегодня ты свободен, – металлическим голосом проговорила Светлана. – Придешь послезавтра.

Я мысленно посочувствовал своему сменщику, с которым не был знаком лично, и, извинившись перед раскосой за то, что в силу обстоятельств вынужден покинуть ее, торжественным маршем направился к выходу...

– Чем это от тебя пахнет? – спросила жена, когда я лег в кровать и зарылся лицом в подушку.

– Так, ничем. Одеколон «Каналья».

Мой первый рабочий день в качестве телохранителя подошел к концу.

* * *

Деньги, которые зарабатывают телохранители, отвечающие за безопасность жен и подруг новых хозяев жизни, стоят того – за неполные десять дней в «личке» я потратил столько нервов и здоровья, сколько столбовой охранник не положил бы за год. Таскаться за Светланой по магазинам, парикмахерским, массажным кабинетам, торжественным приемам и презентациям, сопровождать ее в ресторан, в гости, выполнять многочисленные поручения по дому было для меня сущей каторгой. Я забросил тренировки и почти не виделся с женой; передо мной не стояла проблема, как похудеть – с помощью диеты или во сне я стал стройным, как Кощей Бессмертный, и приобрел лихорадочный блеск в глазах. Столь изнурительный график дежурств был связан с очередным капризом Светланы: буквально на следующий день после моего дебюта она уволила второго охранника – высоченного плейбоя, продержавшегося у нее чуть больше месяца, и вызвала меня, аннулировав таким образом мой законный выходной. Я стал перед сложным выбором: либо работа на износ, либо перспектива быть выброшенным на улицу. Я выбрал работу на износ.

Перед тем как сложить с себя обязанности телохранителя, мой бывший коллега перекинулся со мной парой слов.

– Не завидую тебе, брат. Она не просто сумасбродка. Она фригидная сумасбродка, – сказал он.

– Это гипоталамус, старик. Он во всем виноват.

– При чем тут гипоталамус?

– Эта зона в мозге отвечает за ощущения боли, тепла и чувствительности кожи.

– Ты думаешь, у нее есть мозг?

Этим вопросом он добил меня окончательно. Не скажу, чтобы сообщение о фригидности Светланы огорчило меня, напротив. Это снимало многие проблемы, которые могли бы воз-

никнуть у меня в дальнейшем. Холодная женщина в качестве «объекта» намного предпочтительнее нимфоманки. Но у меня закралось подозрение, что в нем говорит не столько желание предостеречь меня, сколько оскорбленное мужское самолюбие. Больше я его не видел. Зато каждый день с утра до глубокой ночи имел возможность лицезреть Светлану, которая заменила мне все – дом, семью и хобби.

Однажды моя жена выразила робкое недовольство по поводу моего позднего возвращения «со службы». Я был настолько вымотан, что не сдержал своего раздражения и ответил ей резко. Она упрекнула меня в грубости.

– Я не груб, а требователен. Если тебе нравятся нежные, ранимые мужчины, то тебе следовало бы выйти замуж за виолончелиста.

Я сказал это безо всякого злого умысла – просто, почувствовав себя вконец опустошенным, хотел поскорее прекратить ненужные препирательства. Когда вместо сочувствия и понимания наталкиваешься на женин ропот, уже не до сантиментов. Дабы пресечь бунт на корабле, я подавил его в зародыше. Жена испуганно притихла.

Размолвка эта вскоре забылась, во всяком случае, я не придавал ей большого значения. Дня и ночью за пределами своего «семейного гнездышка», я не слишком заикливался на домашних проблемах. То есть попросту старался их не замечать.

Думаю, что переломным моментом в моей личной жизни стал августовский день, приуроченный к «концу света», который я, немного злорадствуя в душе, мстительно называл про себя «концом Светы». Мой босс в юбке свирепствовал как никогда. Приказы, распоряжения и всевозможные мелкие поручения, взаимоисключающие друг друга, сыпались на мою бедную голову, как из рога изобилия. С утра я позвонил жене и предупредил ее, что, возможно, не приду ночевать вообще, поскольку «моя дурища» (я и не заметил, как стал называть ее именно таким образом: «О, дурища проснулась...», «Так, моя дурища собралась за покупками...») запланировала на этот вечер банкет в «Лири-банке» и посещение ночного клуба. Жена безропотно согласилась с ролью Пенелопы и выразила готовность ждать меня хоть до скончания века. Я не уловил скрытого подтекста в ее словах и, с чистой совестью положив телефонную трубку, вернулся к своим обязанностям. Тогда мне было еще невдомек, что мой дом – моя крепость – постепенно и уже независимо от меня превращается в минное поле.

Банкет в «Лири-банке» давался по случаю дня рождения одного из членов совета директоров нефтяной компании, входящей в империю крупного столичного предпринимателя. Все собравшиеся в презентационном зале гости были VIP-персонами. Все было как всегда: звучали тосты, здравицы в честь высокопоставленного именинника, речи, превозносящие его деловые и человеческие качества; столы ломились от яств, водка и дорогие французские вина лились рекой. Я смутно подозревал, что для многих из присутствующих эта гулянка, организованная с чисто российским размахом, закончится традиционно – обильные возлияния, повальное обжорство, похмелье, послепраздничный стул... И вообще, что за день рождения без головной боли и расстройства желудка! Японцы, приглашенные на банкет, были шокированы пьяной удалью своих деловых партнеров. Когда начальник валютного отдела упал под стол, а заместитель по рекламе и маркетингу обрыгал туалет, они собрались было уходить, но их уговорили остаться. «Это у нас менталитет такой», – объяснили им.

Я, разумеется, пил только прохладительные напитки, изредка подходя к шведскому столу за тарталетками, и вполглаза присматривал за Светланой. Возле меня постоянно крутилась операционистка, с которой я «познакомился» будучи охранником: в качестве прислуги она разносила бокалы с шампанским и строила мне глазки. По-видимому, мой нынешний статус казался ей вполне подходящим для того, чтобы позволить себе небольшую любовную интрижку. Я был при теле, и это тело было почти всесильно... Но странно, мне уже не хотелось совлекать с нее одежды, чтобы в самый патетический момент вдруг остановиться и сказать: «Извини, мне

должны позвонить». Она и так была наказана за свое высокомерие. Я позволил себе лишь одну фразу, примиряющую нас:

– Нет такой награды, которой бы вы не заслужили, нет таких денег, которых бы вы не заработали, и нет таких комплиментов, которых бы вы не были достойны.

По-видимому, она рассчитывала на продолжение и была готова уединиться со мной в ближайшем кабинете среди банковской отчетности и нагромождения компьютеров, но продолжения не последовало – служебные романы не моя специальность.

Надо было видеть ее злое и расстроенное личико, когда я, сопровождая Светлану, уходил с банкета. Впрочем, меня это уже не трогало.

Следующим пунктом нашей программы был ночной клуб «Кристалл», арендованный группой видных бизнесменов города для официального празднования «конца света». На входе в зал так и было написано: «Да здравствует апокалипсис! Ура, товарищи!»

– Если у тебя будут спрашивать, кто ты такой, отвечай: друг семьи, – предупредила меня Светлана. – Итак, кто ты такой?

– Друг семьи.

– Чем занимаешься?

– Дружу с женой друга.

– Намекни, что имеешь свой собственный бизнес в Испании, но не более того, в подробности не вдавайся.

После краткого инструктажа я занял место по правую руку от Светланы. Тем временем тамада, в котором я с удивлением узнал вора в законе Каху Кутаисского, провозгласил очередной тост. Я налил в бокал минералку. Мой жест не ускользнул от внимания наблюдательного кавказца.

– Э, дорогой, обижаешь! Пить так пить, никакой симуляции, да?

– Прошу меня извинить. Мне нельзя.

– Это почему?

– Патологоанатом не советует. Дело в том, что я завещал свою печень клинической больнице, – попытался смягчить свой отказ я. Но Каха не унимался. Шутки он не понимал.

– Ты нанесешь мне и моим друзьям смертельную обиду! Пей!

– Не буду.

– Светочка, это ты его привела? Он не уважает грузинское застолье. Ты, конечно, можешь думать обо мне плохо, но я заставляю его уважать наши обычаи.

Он подошел ко мне и крепко перехватил мою руку в запястье. За его спиной тут же выросли два исполина – в готовности вмешаться в случае оказания сопротивления. Когда до мордобоя оставалось всего одно мгновение тоньше папиросной бумаги, Светлана вмешалась, причем сразу и безговорочно приняв сторону Кахи:

– Пей, тебе говорят. Или нам придется расстаться.

– Я вынужден подчиниться.

Даже друг семьи не сказал бы лучше. Она, кажется, оценила это. Я выпил налитый Кахой бокал вина. Мое уважительное отношение к застолью было принято Светланой благосклонно. Я пьянел и думал: «На сей раз все обошлось. Но почему все складывается именно так? Если мне и разбивали в кровь лицо, то не во имя любви, а по недоразумению... Здесь едва не повторилось то же самое».

Тамада выстреливал один тост за другим: речи его становились все бессвязнее, он, как и все участники «пира во время чумы», включая и меня, стремительно надирался. «Если кто-нибудь задумает убрать ее сегодня, я ничего не смогу предпринять». Этот неутешительный вывод пришел мне в голову после того, как лицо Кахи самым чудесным образом раздвоилось. Я почувствовал нечто вроде умиления. Подозрительные личности из кремового «жигуленка», преследовавшие нас все эти дни, казались мне уже чуть ли не ближайшими родственниками.

Вздумай они сейчас появиться в зале, мы бы выпили с ними на брудершафт. Светлана, обвив мою шею руками, висела у меня на груди и мычала что-то насчет надбавки к моему жалованью.

– Я тобой довольна. Ты справляешься. Вот что я тебе скажу – ты достоин большего. Тысячу баксов в месяц!

Ее язык заплетался в косичку, но мысль она не теряла.

– За старание, проявленное при исполнении...

Она сделала паузу и отпила из моего бокала четверть его содержимого.

– ... я объявляю тебе благодарность. Три поцелуя в щечку и один в ушко. Пользуйся, пока я добрая. Завтра не позволю.

Я чмокнул Светлану куда-то в макушку и деликатно высвободился из ее объятий. На нас никто не обращал внимания – Каха куда-то пропал, его окружение пело грузинские песни, гости, не знающие языка Мтацминды, были заняты разговорами и выпивкой, а также лобзанием своих подруг. Пир смрадно догорал, о конце света уже никто не заикался.

– Мне кажется, нам пора, – сказал я.

– Куда пора? – всполошилась Светлана.

– Не куда, а просто пора.

Я был предельно лаконичен.

Идти самостоятельно Светлана не могла, поэтому мне пришлось тащить ее чуть не волоком. Вдруг откуда ни возьмись, передо мной вырос Каха. Настроен он был весьма агрессивно.

– Почему уходишь? Разве так уходят с грузинского застолья?

Откуда мне было знать, как уходят с грузинского застолья? Одно я мог сказать теперь с уверенностью: не по-английски. Однако вперед ногами под песню Нани Брегвадзе «Снегопад» покидать ночной клуб мне тоже не хотелось. Поэтому в целях личной безопасности, а следовательно, в интересах безопасности моего «объекта», я остановился и выразил готовность обсудить этот вопрос.

– Ты не произнес тост, – укоризненно покачал головой Каха. – Вайме, разве так делают настоящие друзья? Постой, а где я тебя видел?

Я не стал напоминать ему об обстоятельствах, при которых мы едва не познакомились – а было это во время круиза на злополучном «Гермесе», где его едва не замочили бандиты из вайнахской группировки и где он в очередной раз упал в лестничный пролет, – и клятвенно обещал тут же, не сходя с этого самого места, произнести тост «за дружбу народов».

– Зачем не сходя? Давай сядем за стол, как люди.

Наверное, это был самый политкорректный, самый продолжительный и самый путанный тост в моей жизни – по-видимому, сказывалось то немереное количество московской «кристаллической» водки, которое я вкупе с вином принял на грудь. Смысл моей речи, вероятно, сводился к тому, что русские и грузины – братья навек. Это совершенно очевидно, и вот почему: между нами больше сходства, нежели различий. Русские по широте своей души – это равнинные грузины, а грузины по своей широте душевной – это горные русские.

– А кто такие армяне? – заинтересовался Каха.

– Армяне, – нашелся я, – это горные евреи. А евреи – это разбежавшиеся по всему свету армяне.

Тост был встречен бурей оваций. Не знаю, что понравилось вору в законе больше: сравнение с русскими или история происхождения армян, однако в дополнение к моему тосту он сказал:

– Когда армянин родился, еврей три дня плакал. Мой друг знает что говорит!

Меня и Светлану едва ли не на руках вынесли из ночного клуба и усадили в «Крайслер». Благо не перепутали автомобиль и не втокнули в «Феррари», иначе не миновать нам скандала и судебных разбирательств: я уже с трудом передвигался и не мог отвечать за свою наклюкавшуюся подругу, но еще был способен крутить баранку. Возле ее дома я врезался в арку и

вдребезги разбил правую фару. Мы еще дешево отделались, могло быть гораздо хуже: в таком состоянии я был вполне способен взять на abordаж встречный трейлер и пересчитать все сваи железнодорожного моста, под которым мы проезжали. Наверное, судьба хранила меня в эту ночь – мою дурищу мог выкрасть или подстрелить даже дилетант, вооруженный малокалиберной винтовкой, не говоря уже о профессионале с «СВД». Хотя кому она нужна, кроме своего мужа и состоящего у нее на службе телохранителя?

Кое-как я поставил автомобиль в гараж, с помощью вахтера затащил Светлану в квартиру и положил ее на кровать, по своим размерам сравнимую с палубой авианосца. Обессиленный, я плюхнулся в кресло, чтобы немного передохнуть, и вдруг услышал ее голос:

– Раздень меня и отнеси в ванную.

Я мучительно долго соображал, явь это или галлюцинации. И когда окончательно утвердился в мысли, что у меня проблемы со слухом, Светлана повторила:

– Я хочу принять ванную.

«С гипоталамусом у нее, пожалуй, все в порядке», – осенило меня. Ситуация приобретала небывалую остроту и пикантность и, как я ни был пьян, показалась мне достаточно серьезной. Я должен был принять соломоново решение, исключаящее две крайности: секс со Светланой и конфронтация с ней же по причине отказа от секса, с непременным хлопаньем дверью и неминуемым увольнением со службы. Прикинуться импотентом я не мог, поскольку им не был, а интимную близость без любви считал преступлением против человечности.

– Я зайчик, у меня пушистый хвостик, – игриво пропела Светлана, не открывая глаз, и повертела своим аппетитным задом. – Угостишь меня морковкой?

Я уронил голову на спинку кресла и демонстративно захрапел. Расчет был прост: как только она отключится, незаметно улизнуть из квартиры. Утро вечера мудренее. Быть может, она постарается забыть этот эпизод и впредь воздержится от поступков, о которых могла бы впоследствии пожалеть.

– Я девочка, возьми меня...

Оглушенный собственным богатырским храпом, я едва расслышал ее призывное мурлыканье. Мне давно следовало насторожиться. После сцены с раздеванием, устроенной в первый же мой рабочий день, я больше ни разу не видел раскосую подругу Светланы и девицу с инфантильным личиком – моя дурища больше не «показывала меня» им, очевидно, приберегая для себя. Никогда бы не подумал, что буду пользоваться у жен нуворишей таким спросом; быть может, всему виной был мой криминальный шарм, который помог мне сделать первые шаги в служебной карьере? Однако у меня были основания опасаться, не послужит ли тот же криминальный шарм косвенной причиной моего полного фиаско, а первые шаги не станут ли последними?

Светлана, повозившись с подушками, заснула. Возможно, ей снилось, что она зайчик или юных лет хмельная дева, мне некогда было предаваться размышлениям на эту тему. Я поспешил ретироваться, оставив ее в объятиях Морфея, и пешком отправился домой. В тот рассветный час мне казалось, что у меня есть дом.

В пять часов утра я уже вставлял ключ в замочную скважину. Ключ никак не хотел попадать в отведенное ему отверстие и всячески уклонялся от заданного моей твердой уверенной рукой направления. Давно я так не набирался, прости господи.

Но тут произошло почти невероятное: дверь открылась сама и передо мной возникло зыбкое видение – моя бледная невыспавшаяся жена. По тому, как она была одета, я понял: спать она сегодня не ложилась. Я почему-то потупил глаза и боком протиснулся в прихожую. Мой кот встретил меня более приветливо. Как славно, возвращаясь домой после трудной ночной смены, поиграть хвостом друга. Но я не был настроен на проявления дружеских чувств и отодвинул его ногой в сторону. Кот обиделся и выскользнул на лестничную клетку. «Зачем мне такая жизнь?» – наверное, подумал он. Пожалуй, мой кот впервые столкнулся с такой черной

неблагодарностью со стороны хозяина. Но и я столкнулся с ней впервые – правда, со стороны жены: Светлана, моя супруга, смотрела на меня как на врага.

– Ну что скажешь? – спросила она многозначительно, когда я снял обувь и уселся на кухонную табуретку.

– В свое оправдание? Ничего. Мне не в чем перед тобой оправдываться.

– Пить – это тоже твоя работа?

– Это по необходимости. И по договоренности. Если бы я не выпил, меня избили бы до полусмерти.

– Лучше прийти домой вусмерть пьяным, – скаламбурила жена.

Наверное, я был противен ей. Но чувствовать себя виноватым?

– Лучше гипс и кровать, чем гранит и оградка. Из двух зол приходится выбирать меньшее.

– Ты мог вообще, между прочим, не приходить, – с дрожью в голосе проговорила Светлана.

Семейная сцена. Это что-то новое.

– Для тебя супружеская верность – это разменная монета. Это когда ты изменяешь со стопроцентной уверенностью, что тот, кому ты изменяешь, об этом не узнает. Я не могу больше так!

Я впервые видел ее такой. Истеричка. Обыкновенная истеричка. Но мне не хотелось с ней ссориться – во всяком случае, с утра пораньше. И уж тем более неуместными в столь ранний час были ее слезы.

– Прекрати, – сказал я устало. – Ничего же не произошло.

– Ах, не произошло! – буквально взвилась Светлана. – Он заявляется домой в пьяном виде, где ночевал – неизвестно, с кем – непонятно, и говорит, что ничего не произошло! Да ты знаешь, кто ты после этого?

– Ну кто?

– Да, кто ты после этого?

– Ну негодяй. Ну сволочь. И как все нормальные негодяи и сволочи, я хочу спать.

Я поднялся с табуретки, чтобы уйти.

– Нет, ты все-таки послушай, – остановила меня жена, чуть ли не силой усадив на место.

Ее лицо полыхало, как бензиновое пятно на асфальте, глаза горели пронзительным огнем. Я не знал, что моя кроткая, всегда покорная Светлана может быть такой неистовой. Меня это даже немного испугало.

– Когда я разговариваю с тобой, – начала она длинную, очевидно, заученную в ожидании моего прихода фразу, – мне кажется, что я нахожусь в темной комнате и говорю в пустоту, я не вижу тебя, я не знаю даже, здесь ли ты. Мне становится страшно, но я говорю, говорю, потому что молчать еще страшнее. Ты никогда не спрашиваешь, чем я живу, о чем думаю, ты занят только собой и своими проблемами. Когда мы в последний раз были вместе? Тебе и это уже не нужно, потому что ты находишь все это там, с ней или с ними, не знаю. Как я от всего этого устала...

Действительно, согласился про себя я, мы отделились друг от друга и не последнюю роль в этом вынужденном отчуждении сыграла моя работа. Проклятая работа. Но вслух я сказал совсем другое.

– Ладно. Хватит. Поговорим об этом после.

– Нет, сейчас, – храбро ринулась во встречный бой Светлана. – Почему все важные решения в семье принимаешь ты? Почему ты диктуешь мне свою волю? Домострой какой-то, концлагерь...

А я-то думал, что она счастлива...

– Ты даже не подозреваешь, что рядом с тобой находится живой человек, и у него тоже есть сердце...

Где-то в глубине души я понимал ее: она боролась за меня как могла. Но она боролась за меня со мной, тогда как усилия свои ей нужно было направить на себя, чтобы победить свою ревность, свои страхи, свои навязчивые идеи. Это был вопрос доверия. Конечно, у меня и в мыслях не было причинить ей боль – наверное, я любил свою жену по-русски, то есть попросту жалел ее, но вольно или невольно наша размолвка стремительно превращалась в ссору. Это было завораживающее зрелище: мелкая трещинка между нами расширилась до размеров пропасти, и мы уже не могли и не хотели предпринимать что-либо для примирения – пропасть между нами росла до тех пор, пока мы потеряли друг друга из виду. Я так и не понял, как это вышло.

– Замолчи, наконец! – вырвалось у меня. – Ребенка разбудишь.

– Наконец-то ты вспомнил о ребенке!

Нет, мне не следовало на нее давить, но сила привычки заставила меня действовать по годами выработанному шаблону. Она посмотрела на меня так внимательно, словно видела впервые и хотела мысленно проникнуть под мою черепную коробку, чтобы раскрутить серпантин, на котором прописаны все мои дальнейшие намерения. Я не учел одного: она дочь офицера и у нее тоже есть характер. Когда ее отец после девяти лет службы в Тикси получил назначение в Судан, из вечной мерзлоты в жаркую Африку, ее мать сказала: «Езжай. Но только после развода». И он поехал.

– Завтра же меня и Насти здесь не будет.

– В этом нет никакой необходимости. Я уйду сам.

Выйдя из дома, я направился в сторону исторического центра города. Я с детства любил эти готические башенки, эти кривые улочки с булыжной мостовой, маленькие окошки-бойницы, глубоко сидящие в старинных, сложенных из тесаного камня стенах. Мне давно хотелось побродить по любимому городу на рассвете, когда город спит, и эта мечта неожиданно для меня самого осуществилась. Утренняя свежесть помогла мне избавиться от похмельного синдрома, и, хотя о полном восстановлении после столь мощного винно-водочного наката не могло быть и речи, я вновь обрел способность мыслить трезво и логически последовательно. Ссора со Светланой, моей женой, воспринималась как удар средней степени тяжести. Ощущения, что все летит к чертовой матери, не было. Но и желания возвратиться к ней я тоже не испытывал: после нашего ночного разговора что-то в наших отношениях было безвозвратно потеряно. Возможно, наш брак с самого начала был ошибкой, не знаю: не может любовь регулироваться, как газовая конфорка, а отсутствие настоящей близости рано или поздно оборачивается взаимной неприязнью. А может, ничего этого не было, и я просто поддался минутному настроению.

Но была, была женщина, которую я любил по-прежнему, – моя солнечная женщина. Звали ее Аня. Я познакомился с ней, когда работал в службе безопасности Левы Баянова, бывшего комсомольского активиста, ныне предпринимателя и в некотором роде политического деятеля. Произошло это возле костела, к которому я, как человек, ведомый лунатизмом, направлялся.

Помнится, я остановился возле чугунной ограды. Да, это было здесь. С тех пор прошло три года. «Женщина-фрегат» растаяла в туманной дали, как мираж. Перед нашим расставанием она сказала мне, что ей предстоит длительная заграничная командировка. Где она сейчас? С тех пор от нее ни весточки. Она лишь намекнула, что работает в ФСБ, и от дальнейших расспросов уклонилась. У нас была всего одна ночь но это была сказочная ночь, и один день, и это был волшебный день. Ялта. Маленькое кафе. Прощальный гудок теплохода, отчаливающего от пристани. И душераздирающая тоска по Ане...

Я прислушался к себе, как бы вопрошая, не кроится ли за моими воспоминаниями о ней каким-то чудом сохранившаяся и до сих пор не изжитая до конца любовь к другой женщине, бывшей у меня до нее, и не пытаюсь ли я таким образом предохранить себя (конечно, бессознательно) от еще более безнадежного чувства, пережитого мной в юности и не раз дававшего о себе знать рецидивами забытой боли гораздо позже, когда я уже считал себя свободным от него, от памяти о нем. Но нет, ничего подобного в отношении Валерии – мне нелегко было решиться произнести это имя даже про себя – я не испытывал, все мои печали были навеяны разлукой с красавицей Анютой, все помыслы обращены к ней. Я не понимал, как мы могли встретиться среди тысяч случайностей и вероятностей, и иногда, пугаясь собственной дерзости, даже сомневался, была ли она в моей жизни или я выдумал ее всю – от улыбки до жеста. Я не понимал при условии, конечно, что понимание не иллюзия, а реально существующая вещь, как вообще возможна в нашем мире любовь, где ее источник. Трудно себе представить, как она зарождается – словно жизнь на необитаемой планете, затерянной в космосе, и еще труднее – как умирает. Страшное подозрение порой закрадывалось в мою душу – любовь, подлинная любовь, наверное, невозможна, и подтверждение этому я находил буквально на каждом шагу. Но может быть, она невозможна здесь и сейчас, в пределах длящегося ныне эона? И если Бог есть любовь, то люди, как множественные параллельные прямые, по законам некоей божественной геометрии, искривляющей земное пространство, когда-нибудь пересекутся в нем? Преодолевая очарование возвышенных истин, я убеждался: возрастание любви при нашем несовершенстве влечет за собой возрастание мук и всякое, даже самое светлое душевное движение сопряжено со страданием – если не тотчас же, то непременно в будущем. Мы лишь прельщаемся любовью, а не любим.

О Светлане я не думал. Меня занимала моя внезапно открывшаяся свобода: всецело поглощенный ею, я не испытывал запоздалых сожалений и угрызений совести по поводу своего ухода из семьи, хотя и знал, что они придут. Для меня это было очевидно: мы должны побыть вдали друг от друга и окончательно определиться, как нам быть, прежде чем кто-то из нас решится сделать шаг навстречу.

Я побродил вокруг костела и отправился на вокзал – мне было некуда больше идти. Беспокоить своих немногочисленных друзей ни свет ни заря не хотелось; в отличие от большинства людей я называл друзьями не тех, к кому в случае необходимости мог обратиться за помощью, а тех, кого старался оградить от таких обращений и чей покой мне был дороже собственного беспокойства. Но я не мог не сознавать, что рано или поздно мне все-таки придется столкнуться с проблемой выбора места жительства и эту проблему мне в одиночку не решить. Бомж в качестве телохранителя – это, пожалуй, чересчур даже для такой экстравагантной особы, как жена банкира.

Вспоминая о ней под стук вагонных колес и гудки маневровых тепловозов, снующих по железнодорожным путям, я неожиданно подумал о ее муже. До сих пор моя дурища вела себя так, будто его не существует вовсе. Даже мое присутствие в ее спальне не воспринималось как намек на адюльтер – создавалось впечатление, что их брак имеет чисто коммерческую основу и личная жизнь супругов протекает обособленно. Впрочем, меня это не касалось. Даже если бы это было так, я под угрозой увольнения не согласился бы жить в апартаментах Светланы и являться на палубу ее «авианосца» по первому зову.

Бесконечно долгая ночь, такая же бесконечная, как бесконечно долгая жизнь, подошла к концу. Кажется, вчера должен был состояться конец света, но по независящим от нас причинам он был отменен. Что ж, уж коли не удалось низринуться в бездну вместе, придется пропадать поодиночке. «Если же скажут тебе: „Куда нам идти?“, то скажи им: так говорит Господь: кто о б р е ч е н на смерть, иди на смерть, и кто под меч, – под меч; и кто на голод, – на голод; и кто в плен, – в плен». Строки из библии всплывали в моей памяти сами собой, словно готовые ответы, являющиеся из инобытия, из той божественной пустоты, которую мы именуем Богом.

Я не знал, чего хочет от меня эта божественная пустота, но чувствовал себя целиком в ее власти. Возможно, библейскими речениями говорило со мной мое будущее, возможно, меня пытался предупредить о чем-то мой внутренний голос, звучащий особенно отчетливо в самые судьбоносные моменты жизни, но я не умел правильно истолковать его красноречивые умолчания, его немой крик и лишь смутно ощущал приближение каких-то грозных перемен. Все наши проблемы проистекают из того, что мы не умеем обращаться со временем. Поэтому, наверное, ждать и догонять – наше проклятие и вечный удел. Если бы я мог по тонкой паутинке времени подняться до высот ясновидения, узнать, какие испытания мне уготованы, а затем вернуться обратно, в настоящее, мне удалось бы избежать многих опасностей и бед. Но перед лицом этого непрерывного секундопада, застилающего сплошной пеленой дождя будущее, я был бессилен.

Измотанный бессонницей, уставший от чего-то непосильного в себе – наверное, это было гнетущее сознание невозможности раз и навсегда покончить со всеми своими затруднениями простым и доступным способом, – я приплелся к православному храму, в котором служил мой друг протоиерей Игнатий. Какой-то монашек, подметавший паперть, подсказал мне, как его найти. Несмотря на ранний час, все священнослужители, включая и протоиерея, были на месте – каждый при своем деле. Я отозвал Игнатия в сторону и, предупредив заранее, что не отниму много времени, в общих чертах обрисовал ему ситуацию, в которой оказался.

– Короче говоря, с женой я в ссоре, ночевать мне негде, – подвел неутешительный итог своих ночных походов я. Странно, до тех пор, пока эта фраза не была произнесена вслух, казалось, что она имеет обратную силу, но стоило мне озвучить ее, как все случившееся со мной обрело непреложность факта. Уверен, что подобное потрясение испытала и моя жена: она наверняка известила о наших семейных неурядицах тещу и та уже упаковала чемоданы, чтобы по первому зову своей дочери примчаться к ней.

– Все образуется, не переживай, – сказал Игнатий. И по своему обычаю ввернул в разговор цитату из Священного Писания: «Лукаво сердце ч е л о в е ч е с к о е более всего и крайне испорчено; кто узнает его»? Может, оно и к лучшему, что вы разошлись. Отдохнете друг от друга, а потом опять сойдетесь.

– У тебя некоторое время можно перекантоваться? – спросил я.

Идти к Стасу, своему школьному другу, я не мог: он ютился с женой и маленьким ребенком в однокомнатной «хрущевке», а снять квартиру или комнату по объявлению до наступления ночи было нереально.

– Отведу я тебе келью, – улыбнулся Игнатий. – Для замаливания грехов.

Он подозвал служку, взял у него ключ и проводил меня в пристрой, где проживала братия. Идя за протоиереем, я невольно обратил внимание на его могучую фигуру, богатырский разворот плеч. Игнатий не был аскетом: большая семья, трое детей, которых он поднимал на ноги, свидетельствовали о том, что ему не чужды земные радости.

– Можешь уходить и приходить, когда захочешь, – сказал он. – А сейчас извини. Вчера у нас произошел совершенно дикий случай: какой-то майор ворвался в церковь и полоснул себя ножом по горлу. Скончался на месте от потери крови. Говорят, психическое расстройство... Сейчас у нас работает следственная бригада, снимают показания свидетелей.

«Еще один свихнулся от безнадеги, – подумал я. – А может, свихнулись мы, коль до сих пор живы?» Смерть майора поразила меня. Почему он решил сделать это именно в церкви? В надежде, что жест отчаяния будет непременно замечен, а глас вопиющего в пустыне услышан?

После ухода Игнатия я лег на узкую монашескую кровать, чем-то напоминавшую армейскую, и попытался заснуть. Но безымянный майор неотступно стоял у меня перед глазами. Будет ли вменен ему в вину грех самоубийства и присоединится ли он к стенающему легиону мучеников, населяющих так называемую геенну огненную? Меня всегда интересовали критерии отбора праведников и грешников, которые предстанут перед Богом на Страшном суде.

Что есть необходимое условие для пропуска в Царство Божие, известно всем. Но нигде в Библии не говорится о достаточном. Какою мерой отмеряется нам, и не станет ли тот майор в какой-то последней вечности святым?

Келью наполнил неизвестно откуда взявшийся смрадный дым. Я встал, чтобы закрыть форточку. Строитель под окном, как черт в замызанной спецовке, разогревал на костре смолу. По-видимому, Игнатий нашел деньги на ремонт храма и теперь силами подрядчиков осуществлял свое благое дело. Я завидовал ему белой завистью: у него во всех вопросах наблюдалась предельная ясность, цельность и чистота устремлений, то есть именно то, чего мне всегда так не хватало.

Во дворе кто-то неистово заматерился. Я невольно прислушался. Смысл перепалки сводился к тому, что на соседнем объекте не хватает людей: туда уже переброшены три панели-воза, на доме закончено сооружение ростверка и полным ходом идет строительство цокольного этажа, а кое-кто, не будем называть фамилии, здесь х...груши околачивает.

– Это я-то?

– Это ты-то и такие же, как ты!

Вскоре все стихло. Я на всякий случай выглянул в окно. Вокруг костра не было ни души, смола кипятилась автономно. Наверное, так выглядел бы ад, если бы черти в нем были русскими...

Я посмотрел на часы (наверное, эту привычку следует отнести к разряду вредных): до начала моей смены оставалось около часа, до выборов в Государственную думу чуть меньше полугодия, до президентских выборов – почти год. Но я не чувствовал причастности к делам своей страны. Наверное, потому, что я был в ней в какой-то степени лишним. Все мы в нашей стране немного посторонние. От лишних людей – к лишней стране. Такова общая тенденция нашего движения по пути демократизации и экономических преобразований. К сожалению, иных подвижек я не видел, хотя почему-то еще верил в великое будущее России. Да, Россия всегда ходила по краю пропасти. Но она больше, чем любая пропасть, ни одна бездна не способна ее поглотить...

Удивительно, но обо всем этом я успел подумать, посмотрев на часы. Теперь пора было вернуться наконец к той отправной точке, с которой я собирался начать новую жизнь.

В десять часов утра я уже находился в подземном гараже и осматривал повреждения, полученные в результате столкновения «Крайслера» с углом арки. Автомобиль заметно окривел на одну фару. Мне это ничего хорошего не сулило, но я все-таки надеялся на снисхождение, поскольку сел за руль в пьяном виде по настоянию Светланы.

Спустя некоторое время, узнав у вахтера о моем прибытии, она спустилась в гараж сама.

– Неплохо ты устроился, – сказала Светлана, придирчиво разглядывая «Крайслер». – На пару тысяч баксов, не меньше...

– Я не совсем вас понял. Что значит «устроился»?

– Нанес ущерб – плати, – с усмешкой произнесла Светлана и победоносно взглянула на меня.

Ее чуть припухшее лицо, лицо похотливой стареющей сучки, без туши и макияжа, вызвало во мне неистребимое желание подкорректировать его с помощью «чуань»-терапии. «Чуань» в переводе с китайского означает «кулак». Она недвусмысленно давала мне понять, какую большую ошибку я совершил накануне и как я могу исправить ее; несколько несложных физических упражнений в паре с партнером – и долг будет аннулирован. Иначе – кабала и, быть может, даже тюрьма. По ее глазам было видно – она способна и на это.

– Должен вам сказать, вы умеете стимулировать работу охраны. Я почти уверен: все ваши телохранители были готовы, не задумываясь, броситься ради вас под пули.

Светлана нахмурилась.

– Не забывайся. И не хами. Ты всего лишь сторожевой пес.

В душе я был удивлен совпадением наших собачьих ассоциаций, но решил не обострять ситуацию. Мне никак не улыбалось в течение суток лишиться не только семьи и квартиры, но и работы.

– Отгонишь машину в автосервис и займешься ее ремонтом, – отчеканила Светлана со свойственным ей высокомерием.

Увы, если женщина не находит счастья в личной жизни, стервозность для нее – второе счастье. Каким-то чудом мне удалось сдержаться и не вспылить. Спустя минут пятнадцать после ее ухода я вполне осознал, что в противном случае был бы уволен быстрее, чем успел бы открыть рот. Оставалось только гадать, чем закончится для меня этот тур карикатур и удастся ли мне дотянуть в качестве ее телохранителя хотя бы до вечера.

Как и было сказано, я отправился в автосервис, решил проблему с восстановительным ремонтом (Светлана с поразительной точностью определила его стоимость) и заехал домой, чтобы забрать кое-какие вещи. Жена с дочуркой куда-то ушли. Это избавило меня от ненужных объяснений и, упаси боже, сцен. В почтовом ящике, куда я по привычке заглянул, лежало письмо из Санкт-Петербурга. На конверте я прочел фамилию отправителя – некто Садовская. Что бы это значило? Неужели мой лучший училищный друг, с которым я не виделся уже лет пять, наконец женился? Мое заблуждение обнаружилось очень скоро – первые же строки письма говорили о том, что пишет мне его сестра. Он никогда не рассказывал о ней и лишь один раз упомянул о своей матери, умершей лет пять назад.

Письмо произвело на меня самое удручающее впечатление: в нем сообщалось о том, что, уволившись из армии еще в июне сего года, Садовский пропал без вести, после чего его сестре позвонили неизвестные и потребовали за брата выкуп в размере пятидесяти тысяч долларов. О том, где он удерживается и что будет в случае невыполнения их условий, похитители не сказали ни слова. Единственное, о чем они обмолвились, – это сроки – до наступления Нового года. С сестрой Садовского они обещали связаться письмом или по телефону. Половину требуемой суммы она рассчитывала получить, продав свою квартиру, доставшуюся ей от родителей. Остальное просила дать займы. У меня, разумеется, не было таких денег. Все, чем я располагал, – это две тысячи баксов долга.

Я сел прямо на лестницу с развернутым письмом в руках и глубоко задумался. Еще один удар средней степени тяжести. В сочетании с первым он вполне был способен свалить меня с ног. Но я не мог позволить себе расслабиться ни на минуту: жизни моего друга угрожала смертельная опасность и от того, смогу ли я собраться с силами и мобилизоваться, зависело, как сложится его дальнейшая судьба. Мне ничего не было известно об обстоятельствах пленения Садовского; возможно, это было каким-то образом связано со второй чеченской войной, возможно, с криминальными разборками в курортном городке, в котором проходил службу мой друг, командуя разведбатом. В последнее время он часто оказывался внутри конфликтов различных группировок, занятых переделом сфер влияния, и поэтому руку к его похищению могла приложить и вайнахская диаспора, и даже колумбийская наркомафия. В любом случае, мне следовало основательно напрячь всех своих друзей и состоятельных знакомых и как можно быстрее выйти на сестру Садовского.

О ней самой я ровным счетом ничего не знал. Михаил вообще редко упоминал о своих родственниках, словно их не было и в помине, и на вопрос, есть ли у него сестра, обычно отвечал уклончиво: «Где-то есть...» Отец Садовского погиб: кажется, он был летчиком-испытателем и в конце своей непродолжительной карьеры работал в группе особого риска. Это был один из немногих случаев, когда на детский вопрос, кто твой папа и где он, маленький Миша мог ответить традиционно, не погрешив при этом против истины. Мать Садовского была учительницей. Казалось бы, тихая, благородная, не связанная с деньгами профессия, но одна нелепая история, случившаяся в школе, в которой она преподавала русский язык и литературу, сломала ей жизнь. Садовский не рассказывал об этом никому, исключая самых близких своих друзей.

Один ученик взял у родителей деньги, чтобы сделать подарок любимой учительнице, и истратил их, просто истратил, а в качестве подарка вручил ей вазу, украденную дома. Пропажу, разумеется, сразу обнаружили. Следователь, ведущий дело, квалифицировал вазу как взятку. Учительницу посадили на восемь лет – якобы за то, что она вымогала у детей подарки, обещая им взамен хорошие оценки. Вот такой казус Фемиды. Таким образом, выкуп, кроме как с сестры Садовского, похитителям требовать было больше не с кого. К ней они и обратились.

Я был совершенно выбит из колеи свалившимися на меня напастями и долго сидел на лестнице, тупо глядя на ящики с грубо намалеванными белой краской номерами. Мое тело готово было мчаться навстречу опасностям, но поступательное движение не имело никакого смысла, как не имеет смысла бег обезглавленного в бою солдата – по инерции он еще бежит в атаку и машет руками, но голову его уже снесло вражеским снарядом. Воля моя была парализована, в голове царила полная неразбериха.

Наконец, я сказал себе: «Все! Сейчас ты встанешь и пойдешь. Сначала к Игнатию, чтобы оставить вещи – с ними ты, как навьюченный ишак, потом разыщешь Леву Баянова и раздобудешь у него денег». Это было уже кое-что, какой-то план, которого я мог придерживаться, чтобы сдвинуть дело с мертвой точки. На большее рассчитывать пока не приходилось.

Спустя полчаса я уже подъезжал на трамвае к храму. Возле него толкалась непротолченная труба народу: толпы зевак, очевидно, прихожан, милиция, бригада «Скорой помощи». Из дверей санитары вынесли носилки с каким-то бедолагой; одна рука его была наскоро перебинтована, другой он истово крестился, бормоча при этом что-то обескровленными губами. Вслед за ним молоденький милиционер вывел женщину: платье ее было запачкано кровью, в лице ни кровинки. Я сразу подумал об Игнатии: где он? Мне не хотелось думать о худшем, но вполне могло случиться, что здесь произошел теракт.

Возле главного входа в церковь уже стояло оцепление; никого, кроме медработников и сотрудников милиции, не впускали, никого, кроме означенных лиц и пострадавших, не выпускали. Я не стал ломиться в храм божий через заслон стражей порядка: гораздо проще было зайти в пристрой и проникнуть в него через галерею. Так я и сделал, предварительно забросив свои вещи – «тревожный чемодан», оставшийся у меня с лейтенантских лет, и переносную магнитола – в монашескую келью.

Игнатий, беседовавший с каким-то мужчиной в штатском, очевидно, с товарищем из угрозыска, заметил меня. Сделав знак рукой, он попросил немного подождать. Возле алтаря и царских ворот вовсю трудились криминалисты: они исследовали буквально каждый миллиметр поверхности, внимательно изучали стены и иконостас. Было как-то странно наблюдать за их работой здесь, в храме, – уж очень далека криминалистика от путей Господних и деяний святых. Но их ничуть не смущало это обстоятельство: свой долг они видели в том, чтобы искать и находить улики повсюду, где только можно обнаружить следы каиновой печати.

Освободившись, Игнатий подошел ко мне.

– Что тут стряслось? – спросил я.

– Святотатство и светопреставление, – коротко ответил он. – Какой-то отморозок ворвался в божий дом и расстрелял из автомата целую обойму. По счастливой случайности никто серьезно не пострадал. Ранило одного певчего на клиросе и рикошетом задело женщину.

– Его задержали?

– Он был не один. С сообщником на автомобиле.

– Значит, они ушли.

– Извини, мне сейчас некогда – надо давать показания, разбираться со всей этой кутерьмой. Поговорим вечером, я к тебе зайду...Многое мне не нравится в этой истории и многое непонятно.

– Мне тоже. Ну что ж, до встречи.

Я понимал, что говорить с ним о своих проблемах сейчас по крайней мере неуместно. Да и чем он мог помочь, если на ремонт храма ему приходилось собирать с миру по нитке?

Выйдя через пристрой на улицу, я по телефону-автомату позвонил в приемную Левы Баянова. Приятный женский голосок, извинившись, ответил мне, что Лев Борисович «отъехал» и будет только после пяти. Я поблагодарил и попросил оставить для него сообщение с просьбой о встрече. Голосок любезно согласился. Я на мгновение задумался: не этот ли чудный колокольчик дилидонит всякие милые глупости, когда любвеобильный Лева задерживается на работе по вечерам под предлогом служебных совещаний? Эта сторона жизни моего прежнего шефа вряд ли претерпела какие-либо изменения с тех пор, как я ушел из его «фирмы». Однако, сравнивая его с моим нынешним боссом в юбке, я не мог не признать, что Лева просто мальчик, буколический пастушок рядом с этой гремучей змеей.

Но делать было нечего: я вернулся к ней, чтобы доложить о проделанной работе, получить новые инструкции и, чем черт не шутит, провентилировать вопрос о денежном займе. Мне было доподлинно известно, что Светлана кредитоспособна. Но при ее прижимистости рассчитывать на золотой дождь, который прольется на меня в виде бледно-зеленых дензнаков, не приходилось. Я хорошо представлял себе, в какую зависимость могу к ней попасть, однако у меня не было выбора.

Когда все нюансы, касающиеся ремонта «Крайслера», были обговорены, я осмелился обратиться к Светлане «по личному вопросу».

– Мой друг попал в беду – его взяли в заложники. Мне необходимо собрать для выкупа достаточно большую сумму денег.

– А при чем тут я? – удивилась она.

– Не могли бы вы выплатить мне аванс? Скажем так: это будет предоплата за год. Из расчета тысяча долларов в месяц. Я отработаю.

Она испытывающе посмотрела на меня. Я выдержал ее взгляд.

– Однозначно нет, – сказала Светлана.

– За полгода.

– Нет и еще раз нет. Ты не справляешься со своими обязанностями, – безапелляционно заявила она.

– Это почему? Я нанимался охранять ваше тело. Тело чувствует себя хорошо. Значит, я не зря получаю деньги.

– А как же насчет тайных желаний?

Светлана кокетливо улыбнулась своему отражению в зеркале.

– Пусть они останутся тайными.

– Сначала верни мне долг. Потом, если сумеешь расплатиться, и поговорим.

Я понял, что продолжать разговор бессмысленно, и попросил ее об одной маленькой услуге – отпустить меня до завтрашнего утра, чтобы решить кое-какие проблемы.

– Работая без выходных, я совершенно запустил свои тылы. Хочу ненадолго зарыться в теплый ил домашних проблем.

– Иди, – не оборачиваясь, бросила Светлана. – Только не зарывайся.

* * *

Из газетных сообщений и передач местного телевидения мне стало известно, что светлая мечта Левы Баянова о консолидации всех честных и здоровых сил общества близка к своему осуществлению: он стал одним из лидеров движения «Предприниматели против насилия и беззакония» и первым в списке кандидатов в депутаты областной думы от созданной при его непосредственном участии партии с одноименным названием ППНБ.

– Голосуйте за ППНБ! – кричали плакаты на всех остановках общественного транспорта. Физиономия Левы, маслянистая от переизбытка добрых намерений и лучащаяся счастьем, вкупе с призывом вступать в ряды партии свободных предпринимателей, служила олицетворением безоблачного будущего. Злые языки утверждали, что деньги на предвыборную кампанию Левиного детища были взяты из воровского общака, а у самого «комсомоленка», как называла его желтая пресса, намекая на его номенклатурное прошлое, рыльце в пушку. Не теша себя иллюзиями относительно подоплеку партийного строительства, которое со свойственной ему безудержной энергией осуществлял мой бывший патрон, я, перед тем как окончательно разойтись с ним «на почве несовпадения взглядов», со всей прямоотой сказал ему:

– Лева, ты вырождаешься.

– Давай вырождаться вместе, – цинично заявил он.

– У тебя нет принципов.

– А у кого они есть?

Передо мной был уже не донкихотствующий бизнесмен, которого я знал когда-то, а гибкий политик, не гнушавшийся никакими средствами для достижения поставленной цели. Хотя как человек он по-прежнему внушал мне симпатию: слишком многое связывало нас в прошлом. Я по-настоящему уважал Леву и ценил сильные стороны его деятельной натуры, что не мешало мне, впрочем, постоянно подтрунивать над ним и резать правду-матку в глаза. Он на меня никогда за это не обижался. Почти никогда.

В конце рабочего дня я, как и было условлено с секретаршей, подъехал к его офису – штаб-квартире ППНБ и зашел в приемную.

Навстречу мне поднялось из-за стола миловидное создание с пухлыми детскими губками, в приталенном жакетике с бархоткой, тут же известившее меня о том, что Лева пока отсутствует, но скоро обещал быть.

– А вы девушка, похожая на секретаршу, – на всякий случай уточнил я, хотя сомнений, кто передо мной, у меня не было: «голосок» обрел вполне зримые и в соответствии со своим тембром необычайно нежные очертания.

– А вы молодой человек, похожий на того охранника, который спас Льву Борисовичу жизнь.

Я был весьма польщен ее осведомленностью. Отрекомендовать меня лучше не смог бы, наверное, даже мой кот, преданно любящий своего хозяина всем своим кошачьим сердцем.

Чтобы не думать о плохом и не томиться тягучим ожиданием, я решил познакомиться с ней поближе.

– Как вас зовут?

– Оля.

– А мне нравится женское имя Оля, – сказал я вполне искренне. – Но одного я не могу понять, что вы в нем нашли?

– Простите, в ком? – вежливо поинтересовалась она.

– В Льве. Который Борисович. В этом матером человечике.

– Почему вы так решили? – смутилась Оля.

– Нет, в самом деле, чем он вам так приглянулся? – не унимался я. Нет в нем ни вида, ни величия. Ни кожи, ни рожи. Одна бесконечная доброта и кротость души...

Числится за мной такой грешок: люблю незлобиво позубоскалить на досуге. За перемином своих косточек и застал меня Лева.

– Вот за это она меня и любит, – сказал, победоносно врываясь в приемную, он. Очевидно, первую часть фразы Лева не расслышал.

– Пойдем. Оленька, на сегодня вы свободны.

Все это он произнес на ходу, почти не замедляя своего движения в направлении кабинета с табличкой «Предвыборный штаб». Я последовал за ним, кивнув на прощание секретарше.

– Ты заметил, какое чудо сидит у меня в приемной? – спросил Лева, нажимая кнопки мобильного телефона. – Какие щечки, какие лодыжки!

Услышав искомого абонента, он тут же включился в телефонный разговор, причем на повышенных тонах:

– Я сколько «люксов» заказывал? А ты сколько мне дал? Три делегата в депутаты на одной кровати! Ты знаешь, что обнаружится при твоём вскрытии? Да-да, разумеется, после того, как я тебя прибую... Не знаешь! Обнаружится, что твои мозги превратились в губчатое вещество. Выкручивайся как хочешь! Это твои проблемы – все!

Он швырнул «мобильник» на диван и, кажется, впервые посмотрел на меня так, что у меня уже не оставалось сомнений, замечен ли я.

– Так, по телефону перетрещали, теперь можно и солитера заморить, – сказал Лева, достал из ящика стола длинный бутерброд и тут же добрую его половину затолкал в рот.

– С утра ничего не ел, – невнятно донеслось до меня сквозь толщу хлеба с колбасой и сыром. – Хочешь?

– Спасибо. Я к тебе по делу.

– Чаю хоть выпьешь? – проглотив огромный кусище, спросил Лева. – Чай с молоком и солью разгоняет газы...

– Мне не нужно разгонять газы, Лев Борисович, мне нужны деньги.

Он перестал жевать, выражая тем самым уважительное отношение к собеседнику и к его просьбе. Потом, словно вспомнив о чем-то простом, как все гениальное, достал из сейфа пухлую пачку денег и протянул ее мне.

– Извини, партийная касса пуста. Все, что есть.

– Сколько здесь?

– Тысяч десять.

– Мне нужно в сто раз больше.

Лева посмотрел на меня с настороженным интересом. Затем, еще раз заглянув в сейф и убедившись, что там ничего нет, сказал:

Когда я занимался бизнесом, у меня под рукой всегда был резерв оборотных средств. Теперь я не занимаюсь бизнесом. Меня финансируют под конкретные программы. Я должен давать отчет о каждом истраченном рубле.

– Да, тебе не позавидуешь. Когда-то ты не отчитывался ни перед кем.

– Времена меняются.

– Ты был для нашей местечковой мафии как сильнодействующий аллерген. Теперь она тебя спонсирует. Разве не так?

– Жить-то надо, – вздохнул Лева и обреченно посмотрел на недоеденный бутерброд. Он даже не поинтересовался, зачем мне такая прорва денег, не вник в существо моих проблем.

– Ну что ж, – сказал я, – на нет и суда нет.

– Пойми, старик, не в деньгах дело, – извиняющимся тоном заговорил Лева, – для тебя ничего не жалко. Но это просто нереальная сумма. Выше всякого понимания.

– Хочу дать тебе совет. Чтобы кожа лица хорошо выглядела, пей чай из семи трав – ромашки, лаванды, розмарина и чего там еще? Забыл. Это старинный и счастливый рецепт. Вспомню – обязательно позвоню. Тебе сейчас как никогда нужно следить за кожей лица...

Возможно, Лева на меня в душе обиделся, но вряд ли в его измельчавшей душонке могла затаиться большая обида. Надо было принимать его не таким, какой он есть, а таким, какой он стал. На него, по большому счету, не следовало обижаться.

– Если мне понадобится партийная касса, обязательно загляну, – сказал напоследок я. – До скорой встречи, партайгеноссе!

Я положил руку на дверную ручку. Рука Левы потянулась к бутерброду. «Спасибо-не-за-что-приходите-еще».

Обратиться мне было больше не к кому. Единственное, что оставалось в этой ситуации, – переадресовать требование о выкупе самому себе, освободив тем самым сестру Садовского от непосильной для нее ноши. Я попробовал бы договориться с вымогателями об уменьшении размера выкупа или отправился бы на поиски своего друга сам – благо теперь я человек, не обремененный семьей, и терять мне нечего. «Рассчитаюсь со своей дурищей, заработаю немного денег на дорогу и поеду в Санкт-Петербург», – решил я. Это была, конечно, не самая захватывающая перспектива, раскрывавшаяся передо мной, но неопределенность представлялась мне худшим из зол.

Вечером того же безумного дня ко мне в келью постучался Игнатий. Он принес с собой внушительный графин водки и банку огурцов, засоленных по-монастырски.

– Для снятия стресса, – лаконично пояснил настоятель храма.

– Я не пью.

– Не пьют только фонарные столбы, и то потому, что у них чашечки вниз, – назидательно проговорил протоиерей. Я посмотрел на его лицо сквозь запотевший графин с водкой. Русский импрессионизм.

Мы налили и выпили.

Игнатий рассказал мне о некоторых подробностях происшествия в церкви и между прочим сообщил, что преступника, открывшего стрельбу по иконостасу, еще не нашли, но ищут.

– И обязательно найдут, – сказал я. – Выпьем за это.

Потом мы несколько отвлеклись от тем насущных и коснулись вопросов духовных. Я ни с того ни с сего заговорил о Царстве Божьем, о необходимых и достаточных условиях его обретения. Графин к этому времени уже не замутнял светлого лика моего дорогого друга Игнатия, поскольку большую часть его содержимого мы незаметно уговорили. «Не всякий, говорящий Мне: „Господи! Господи!“ войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного», – трубил протоиерей. – Надо надеяться и уповать на милосердие Божие. Ведь говорится, что спасутся, Христа не ведавшие, но несущие Его образ в сердце своем, а иные творившие чудеса Его именем в погибель пойдут».

– Хочется в это верить, – согласился я, доставая из банки неуловимый огурец; ловля огурца в мутном рассоле требует особой сноровки.

Завершить свою мысль мне не удалось: в голове затуманилось. Да и что я собирался сообщить? Наверное, хотел сказать своему другу, что в вину Бога его обвинители могут вменить не только существование зла и вытекающий отсюда вопрос об ответственности за мироздание, но и затемненность, противоречивость наших знаний и представлений о Боге, ту невнятность, с какой он являет себя миру; он не взял на себя труд прояснить свою сущность окончательно и на протяжении всей истории христианства позволял гадать и домысливать о себе; он допустил такое положение вещей, при котором Бог нуждается в адвокатах. Даже самые светлые умы человечества не могут сойтись во мнении о Боге. До сих пор не понятно, что есть слово Божие, а что человеческое привнесение. В языке самих евангелий наиболее продвинутые религиозные мыслители видели человеческую ограниченность, преломление божественного света в человеческой тьме, жестоковейность человека. Поэтому спор о Боге в рамках Священного Писания может длиться бесконечно долго, и ни одна из сторон до скончания века не установит истину.

Наверное, именно это я и хотел сказать Игнатию, но сказал нечто совершенно другое, а именно то, что присутствовало во мне на протяжении всего нашего нескончаемого разговора как ощущение, неотвязная мысль, лейтмотив.

– Ты веришь во второе пришествие?

Вопрос прозвучал почти по-чапаевски: ты за какой Интернационал?

– Я верую во Христа, – сказал Игнатий и одним ударом забил огурец в горлышко графина.

– Он, конечно, придет. Но его не заметят. Это будет призрак, тень Христа. Мы слишком сильно изменились, чтобы его увидеть.

Я действительно так думал. Кто-то из великих или, быть может, простых смертных сказал: слепота – это самое точное, что когда-либо было сказано о человеке.

Моя попытка извлечь огурец из узкой горловины не увенчалась успехом. В конце концов, чей графин? Игнатия. Вот он пусть и мучается.

– Однако мне пора, – засобирился он. – Стресс снят, водки больше нет, злоупотреблять нечем.

– Я могу сбегать за бутылкой.

– Не надо делать того, сын мой, о чем впоследствии можешь пожалеть.

Я со всей осторожностью встаю.

– Постой, в коридоре лампочка перегорела.

Я бросился к двери, чтобы своими ватными ногами проторить Игнатию путь во мгле. Вдруг на него свалится подвешенный на гвоздь велосипед? Или ведро, в котором братия носит колодезную воду?

– От шума падения твоего не содрогнутся ли острова?

Игнатий мягко, но уверенно отстранил меня от двери и шагнул в темноту первым. Возле лестницы он остановился и, повернувшись ко мне, сказал:

– Спасибо за беседу. Но я не за этим приходил.

Я не видел его лица, но хорошо представлял его себе в этот момент: суровое и спокойное, словно выточенное из гранита лицо праведника, не судьи.

– Я хотел рассказать тебе о том, что произошло сегодня в божьем храме.

– Ты рассказал мне.

– Я понял это еще там, в ризнице, куда спрятался, как только началась стрельба.

– Не понимаю. Ты упустил какую-то важную для следствия деталь?

– Да, я упустил важную для следствия деталь.

Игнатий сделал паузу.

– Стреляли в меня. И ни в кого больше.

* * *

Пробуждение в пятницу, выпадающую на тринадцатое число, спустя два дня после официально объявленного конца света, было ужасно. Я влил в себя по меньшей мере пол-литра огуречного рассола, затем, томимый жаждой, выковырял из горлышка графина последний огурец и в самом сумрачном расположении духа съел его. Все было плохо: в мире сохранялась нестабильность, в стране, заждавшейся экономического чуда и света в конце тоннеля, ничего не происходило, в личной жизни наблюдалась полная дисгармония, больше напоминающая катастрофу, – ни семьи, ни квартиры, ни денег, ни друга, которого украли неизвестные злоумышленники. Оставалось лишь утешать себя мыслью, что все остальное я украл у себя сам. В такие моменты психологи советуют идти навстречу своим проблемам, не прятаться от них, иначе человек рискует впасть в затяжную депрессию и проникнуться суицидальными настроениями.

И я пошел навстречу своим проблемам.

Одной из них, хотя и не самой главной, была Светлана – священная корова, которую я охранял. Надо было немедленно явиться пред ее ясные очи, иначе мне грозили неизбежные штрафные санкции и очередное ужесточение и без того кабальных условий труда – уплотнение графика дежурств, ночные бдения и окончательный отход от норм трезвого образа жизни.

Я заехал в автосервис, сел за руль отремонтированного «Крайслера» и отогнал его к дому Светланы. Затем известил ее о своем прибытии звонком с вахты. Она ответила мне сонным недоразбуженным голосом, выражая тем самым недовольство, во-первых, столь ранней побудкой и, во-вторых, моим опозданием на службу. Поскольку ее упреки основывались на взаимо-

исключающих требованиях, я не стал оправдываться: в моей дурище говорила ее неистребимая тяга к самодурству.

– Ваш мустанг греется на солнышке. Выгляните в окно – он как с иголочки, – сказал я. Она отдернула гардину.

– А это что за кабальеро крутится возле моего мустанга? – ворчливо проговорила Светлана и, уловив непроизвольное движение моих глаз, запахнула полы своего халата. – Жиголо мне только не хватало.

Ее слова с равным успехом могли относиться как к незнакомцу, осматривавшему «Крайслер», так и ко мне. Но я не принял их на свой счет. Между тем личность «кабальеро» не могла меня не заинтересовать: интуиция подсказывала мне, что появился он неспроста.

– Выясни, кто такой, и чтоб духу его здесь больше не было, – распорядилась Светлана и добавила:

– А я пока приму ароматическую ванну.

«Спасибо за эту подробность», – мысленно поблагодарил ее я и вздохнул с некоторым облегчением – очевидно, сегодня в роли поролоновой губки мне выступать не придется.

– Не беспокойтесь, все будет сделано, – ответил я с готовностью, чувствуя, что исподволь начинаю заискивать перед ней. Еще немного – и меня с полным правом можно будет признать самым вышколенным телохранителем. Вот к чему приводит изощренный секс-шантаж.

Я вышел во двор и направился к «Крайслеру». Не знаю почему, но по мере приближения к автомобилю во мне нарастала неясная тревога, превратившаяся в настоящий набат, как только я увидел в проеме арки до боли знакомый кремовый «жигуленок». Во мне проснулся настоящий страх. Что-то было не так. Повсюду незримо присутствовала какая-то скрытая угроза, но в чем она заключалась, я пока не мог себе объяснить.

Вокруг было пустынно и тихо, лишь где-то наверху, в чердачном окошке, хлопнула рама. Наверное, ветер. Почему-то пахло сигаретным дымом. Машина со съёмными номерами. Оконная рама. Дым. Крайне неприятно чувствовать себя жалким беспомощным червяком, которого вот-вот наживят на рыболовный крючок. Это ощущение ни с чем невозможно перепутать, и посещает оно, по-видимому, всех, даже самых отчаянных сорвиголов.

Я плюнул на все условности, на вечную мужскую боязнь выглядеть в чьих-то глазах посмешищем (лучше быть смешным, чем мертвым) и в длинном прыжке кубарем откатился под защиту бетонного козырька, нависающего над входом в подъезд. Но было по-прежнему тихо. Оконная рама больше не хлопала. И вдруг я вспомнил фразу из рекламного буклета ОАО «Коттедж» – фирмы, построившей дом с внутренним двором-колодцем, внутри которого я в настоящий момент кувыркался: «Архитектор Воропаев удачно сумел реализовать идею устройства мансард». Воропаев, безусловно, талантливый человек, быть может, даже второй Ле Корбюзье. Но в его мансардах, насколько мне было известно, никто не хотел селиться. Мансарды пустовали.

В одном из окон этажом ниже я увидел седовласого мужчину с благородной наружностью английского дворецкого, с искренним недоумением наблюдавшего за моими перемещениями в пространстве. Но мне было решительно все равно, что он обо мне подумает – мое внимание было приковано к тлеющему кончику сигареты, прикрепленной к днищу «Крайслера». Я обнаружил источник дыма и, кажется, понял, откуда исходит опасность. В моем распоряжении оставались считанные секунды, чтобы обезвредить взрывное устройство, подложенное под автомобиль. Я приблизился к «Крайслеру», готовому в любое мгновение разлететься на куски, лег спиной на асфальт и протянул дрожащую от напряжения руку к сигарете; как и следовало ожидать, она была подвязана к веревке, заменявшей бикфордов шнур, а веревка... Нет, этого не могло быть! Тротилловой шашки или пластиковой взрывчатки я под днищем не обнаружил. Меня лоханули, как дилетанта, провели, как последнего дурака.

Когда я услышал шаги приближавшегося ко мне человека и увидел его тень, было уже поздно. Спрятаться под машиной? Выхватить пистолет и уложить его одним выстрелом? Что бы я ни предпринял, у меня не было ни единого шанса, поскольку ствол его автомата едва ли не упирался мне в живот. Я высунулся из-под бампера, чтобы хотя бы перед смертью взглянуть в глаза тому, кто оказался удачливее меня (как знать, не придется ли нам встретиться в другой жизни, где удачливей окажусь я), и увидел задумчивого «кабальеро». Его задумчивое лицо было бесстрастно, оголенные по локоть руки, загоревшие до степени копчености, крепко сжимали грозное оружие. Вдруг он кивнул головой, словно представляясь мне по полной форме, и начал заваливаться на капот. Его палец, лежавший на спусковом крючке, конвульсивно дернулся; падая, «кабальеро» вогнал длинную очередь в «Крайслер» и рассыпал веер пуль по кирпичным стенам. Клянусь, сквозь звон разбитого стекла я слышал, как где-то наверху, в какой-то из мансард, вновь хлопнула рама. Потом все стихло.

Киллер, навалившись на капот грудью и упираясь коленями в асфальт, медленно истекал кровью. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять: он мертв. Пуля попала ему в затылок и вышла через левый глаз.

Я не без труда выбрался из-под «Крайслера» и увидел бегущую ко мне со всех ног растрепанную Светлану. При виде кровавой сцены с ней приключилась истерика.

– Идиот! Сумасшедший! Ты зачем его убил?! Мой автомобиль! Ты изуродовал мой автомобиль! Кретин! Я же просила тебя – разберись с ним, а ты что? Устроил здесь побоище, скотина! Все, ты уволен, у меня нет больше никаких сил терпеть твои издевательства...

Она немного успокоилась и уже более осмысленно произнесла:

– Легким ремонтом ты теперь не отделаешься, я такой иск вкачу, закачаешься. Всю жизнь на меня пахать будешь, не рассчитаешься. Отсидишь за убийство – и вернешь мне все до копейки... А теперь разбирайся со своими ментами сам – я тебе не помощница.

Она развернулась и ушла – очевидно, принимать ароматическую ванну. А я остался стоять посреди двора под перекрестьем обращенных на меня со всех сторон взглядов «новых русских», повысовывавшихся из окон, внимая гулу голосов, сдержанно интересовавшихся причиной переполоха. Сказать, что я был ошеломлен, значило ничего не сказать: это был натуральный шок и вывести меня из этого состояния мог бы, наверное, только новый, еще более сильный стресс. Все происходящее никак не стыковалось с реальностью, во всяком случае, с чем-то связным и доступным моему пониманию. Это была некая сверхреальность, граничащая с безумием. Вокруг меня стала постепенно собираться толпа; кровь всегда привлекает толпу, толпу возбуждает запах крови. И вдруг ко мне, протиснувшись сквозь живой заслон, подошли трое мужчин в штатском и, предъявив какие-то корочки каких-то сотрудников неведомо чего, попросили следовать за ними. Я послушно побрел туда, куда мне было велено идти – к выходу из арки, через дорогу на противоположную сторону улицы, к кремовому «жигуленку». И только когда я занял место на заднем сиденье машины между двумя отвратно вежливыми типами и на моих запястьях защелкнулись наручники, я понял, что влип основательно. На случайного свидетеля с бакенбардами дворецкого можно было не рассчитывать, про баллистическую экспертизу забыть, меня самого вычеркнуть из списка подозреваемых в убийстве и смело внести в список убийц. Доказать что-либо не представлялось возможным: мой пистолет был предусмотрительно «изъят» при посадке, свидетельских показаний никто, разумеется, не снимал, я ехал в автомобиле со съемными номерами и что меня ждало за ближайшим поворотом, не знал никто.

* * *

Ехали мы сравнительно недолго, глаза мне при этом не завязывали, очевидно, понимая: никуда я не денусь, деваться мне некуда. За это короткое время я постарался взять себя в руки,

привести в порядок свои мысли и оценить степень безнадежности своего положения. Вопрос, обращенный к моим провожатым – кто вы и куда меня везете? – натолкнулся на гробовое молчание. Иного я и не ожидал. Впрочем, «уши» конторы, которая меня сцапала, были видны и невооруженным глазом. Моя догадка подтвердилась, когда машина остановилась возле здания местной «Лубянки» и меня под конвоем, в наручниках, ввели в один из непарадных подъездов областного управления ФСБ.

Кабинет, в который меня препроводили и где предложили стул и сигарету (любезно освободив при этом от «браслетиков»), отличался казенной серостью и убогостью. Продолжатели дела Железного Феликса явно не роскошествовали – некогда всесильное ведомство влачило жалкое существование, выплачивая своим сотрудникам полунищенскую зарплату. Вполне понятно, меня в этот момент волновали не проблемы ФСБ, а собственная судьба. Зачем я здесь? Почему моя скромная персона вызвала столь пристальное внимание Федеральной службы безопасности? И наконец, кто и за что хотел меня убить? Состоявшийся накануне разговор с Игнатием наводил на мысль, что неудавшееся покушение на него и предотвращенное благодаря усилиям чекистов на меня – звенья одной цепи. Но мне был неясен мотив. Кому мы мешали?

Я курил и думал. Думал и курил. Мысли расплывались, как сигаретный дым, все мои догадки и домыслы истаивали под потолком и улетучивались в открытую форточку. Оставалось только ждать и надеяться, что произошло какое-то недоразумение, и, когда ошибка обнаружится, меня отпустят на все четыре стороны.

Но когда в кабинете, помимо двух присутствовавших эфэсбэшников, объявился третий, лицо которого мне было хорошо знакомо, последние сомнения, даже если они и были, отпали. Я понял: здесь нет никакой ошибки. Кажется, его звали Олег. Он был напарником моей Анюты в операции, проведенной ФСБ на борту круизного судна «Гермес». Сердце мое учащенно забилося: неужели? Я не смел даже помышлять о том, чтобы встретиться с ней, но предчувствие говорило мне об обратном.

– К сожалению, она не придет, – словно прочитав мои мысли, сказал Олег и поздоровался со мной за руку.

– Оставьте нас, пожалуйста, вдвоем, – обратился он к своим коллегам.

Те без лишних слов вышли. Теперь нам, точнее, ему, никто не мешал. Он мог говорить со мной о погоде, об Анюте, о моем прошлом и будущем, о чем угодно.

– Жарко, – сказал Олег и включил настольный вентилятор; его лопасти были сильно потрепанными, будто ими рубили капусту, а сам он казался таким древним, что, наверное, еще Берия гонял с его помощью застоявшийся воздух. Впрочем, Берия вряд ли...

– В Непале еще жарче, – добавил он. – Она сейчас там.

– С ней ничего не случилось?

– Нет, слава богу, все в порядке.

Он постучал костяшками пальцев по дереву.

– Но увидеться с ней нельзя, так?

– Почему же? Очень даже можно. Все будет зависеть от вас.

Мне нравилась его мужская манера спокойно и твердо смотреть собеседнику в глаза. Наверное, так же невозмутимо он выдерживал взгляд мошенников, воров и убийц, которых ему приходилось допрашивать. В нем чувствовалась какая-то сверхзаданность, убежденность в своей правоте.

– Давайте обо всем по порядку, – взял инициативу в свои руки я. – Начнем с того, что вы и ваши люди спасли мне жизнь...

– Что вы, не надо преувеличивать.

– Работал мастер высочайшего класса, и вы знаете это не хуже меня. Ему оставалось только нажать на спусковой крючок...

– Мы давно вели этого киллера.

– Кому понадобилось меня устранять? Кто стрелял в настоятеля храма?

– Вы задаете слишком много вопросов, – усмехнулся Олег. – Но это ваше право. Киллер, точнее, целая бригада курганских киллеров была нанята одним очень влиятельным чеченским тейпом. По законам кровной мести они должны были уничтожить вас – мне, правда, непонятно, почему они не попытались сделать это лично в ответ на гибель их родственников, которая произошла по вашей вине.

– По нашей вине?

– Да, вспомните теплоход, шлюпку с людьми Аслана, и вам все станет ясно.

– Но как они узнали? Ведь кроме двух-трех свидетелей, моих друзей, там никого не было.

– Благодарите Льва Борисовича Баянова. Это он раструбил на весь белый свет, как героически вы вели себя в экстремальной ситуации. Как всадили пулю в живот Аслану и срезали тали, на которых спускалась на воду спасательная шлюпка. Как видите, я живописую эту сцену во всех подробностях. С его же слов.

Лева, безусловно, оказал мне и Игнатию медвежью услугу. И то, что нам до сих пор не вышибли мозги, было просто чудом.

Я посмотрел на часы. Полдень. Уже сорок минут, как я должен быть мертв. Вот тебе и пятница тринадцатое число.

– И что же теперь делать? – вырвался у меня вполне идиотский вопрос.

– Ничего, – сказал Олег.

– Ну тогда я пошел...

– Идите. Но вас обязательно убьют. Не получилось в этот раз, получится в следующий.

– Зачем же вы меня спасли?

– А как вы думаете?

– Вы хотите сделать мне предложение, от которого я не смогу отказаться.

– Не только вам, но и вашему другу Игнатию. Суть его вкратце такова. Вы помогаете нам задержать Богуславского, мы предоставляем вам гарантии безопасности.

Фамилия, названная Олегом, была хорошо известна не только мне, но и Интерполу; уйдя от справедливого возмездия, человек, скрывавшийся под ней, подался в бега, и с тех пор о нем ничего не было слышно, кроме того, что бывший глава местечковой мафии стал преступником международного масштаба и, действуя через подставных лиц, приобрел еще большее влияние не только в нашем городе, но и во всем регионе. О масштабах его закулисной деятельности и связях на самом высоком уровне можно было только догадываться, однако, как бы ни были могущественны его покровители, Богуславский рисковал в любой момент загреметь под фанфары по обвинению в организации теракта. Теплоход «Гермес» покоился на дне Черного моря именно благодаря его недюжинным организаторским способностям и деятельному уму. Оставалось непонятным лишь одно – каким образом содействие в его поимке мог оказать я или протоиерей, зачем мы понадобились такой серьезной, все еще достаточно могущественной структуре, как ФСБ.

– Я постараюсь обрисовать ситуацию так, чтобы не упустить ни одной детали, – сказал Олег. – Здесь очень тесно взаимосвязано все: и политика, и экономика, и собственно преступность, и частные судьбы людей, например ваша.

Далее он рассказал мне о том, что представляет собой империя Богуславского и как этот теневой олигарх собирается легализоваться, уклонившись от уголовной ответственности посредством ряда многоходовых комбинаций. Оказывается, помимо традиционно криминальных направлений деятельности, принимавшей все более цивилизованные формы, в сферу его интересов входил нефтяной бизнес. Схема изъятия денег из государственных компаний, занимающихся добычей, транспортировкой и переработкой нефти, была слишком сложна, поэтому Олег описал мне лишь один из способов, с помощью которого можно дробить мощные финан-

совые потоки на маленькие ручейки, чтобы затем направлять их русла на тайные зарубежные счета. Скажем, некая частная фирма заключает с руководителем государственной нефтяной компании договор о проведении аудиторских проверок. Условия сделки оформляются на бумаге: деньги за несуществующие услуги переводятся в аудиторскую фирму, разумеется, за вычетом комиссионных для руководителя госкомпании, с которым существует устный договор. Затем перечисленные денежные средства поступают на соответствующий лицевой счет в какой-нибудь доверенный банк, после чего распыляются по многочисленным фирмочкам и исчезают бесследно. Эта классическая комбинация была доведена Богуславским до совершенства и на практике выглядела так: в роли буренки выступало акционерное общество «Госнефтегаз», доильным аппаратом была частная фирма «Инвестаудит», емкостью для надоя – «Лирибанк», в котором я имел честь состоять в службе безопасности. Это обстоятельство поразило меня особенно: увы, никак не получается оставаться честным до конца, создать свой праведный мирок и быть в нем единственным незаходящим солнцем. Даже не преступая закон, я тем не менее служил целям криминала, оберегая интересы последнего в банковской сфере. Так кто же я в таком случае?

Впрочем, время для самобичевания было выбрано мною явно неудачно. Я узнал нечто такое, что поразило меня до глубины души и вмиг заставило забыть о собственных проблемах и неурядицах.

– Вам, конечно, не терпится узнать, при чем тут вы, – сказал Олег. – Дело в том, что о местонахождении Богуславского нам до сих пор ничего не известно, однако на след некоторых его сообщников нам удалось напасть...

Первым в этом списке совершенно неожиданно для меня оказался мой лучший друг среди бизнесменов Лева Баянов, лидер партии свободных предпринимателей. С помощью ППНБ Богуславский рассчитывал получить решающее большинство в областной Думе, затем, выставив свою креатуру на выборы в нижнюю палату парламента страны, замутить местечко в Государственной думе. О том, кто конкретно планировался в качестве кандидата в кресло народного избранника, можно было только догадываться. Обеспечив себе столь мощную поддержку во властных структурах, Богуславский без особого труда мог решить все свои проблемы с законом и замаять возбужденное против него уголовное дело.

– Получается, вам все известно, – сказал я. – Почему же тогда преступники разгуливают на свободе? Есть директор нефтяной компании, есть факт сговора с целью личной наживы, есть доказательства хищения государственных средств. Что мешает вам со всем этим разобраться? Тогда и Богуславский не будет представлять угрозы...

– Все так, но не совсем. Мы знаем практически все практически обо всех. Но переломить ситуацию пока не в силах. Для этого нужна политическая воля. Мы много думали, многое поняли, мы почти прозрели, но наше время еще не пришло. А пока все, что мы можем, – это убирать одних преступников руками других.

– Немного же вы можете, – не удержался от саркастического замечания я.

– И обращаться за помощью к таким людям, как вы, для которых такие понятия, как долг, честь и Отечество еще что-то значат. К счастью, они, эти люди, еще есть и готовы пойти нам навстречу. А что касается оргпреступности... Я давно предлагаю вешать на золотые цепи «новой буржуазии» колокольчики. Чтобы легче было отстреливать ее наиболее одиозных представителей. Надеюсь, вы понимаете, что это шутка, – добавил он.

– Спасибо за лестную характеристику. Но прежде чем согласиться вам помочь, я должен вникнуть в суть вашего предложения, все как следует обдумать, чтобы...

– К сути я еще не приступал, – вежливо перебил меня Олег. – Извините за длинную преамбулу, но она была необходима. Сейчас вы поймете почему. Дело в том, что гендиректором аудиторской фирмы является некая хорошо известная в криминальных кругах особа, с кото-

рой вам, возможно, приходилось встречаться на теплоходе. Миледи. Вам ни о чем не говорит это прозвище?

Я внутренне непрягся, чуя приближение какой-то неведомой опасности и интуитивно связывая ее с хорошо знакомыми мне людьми и обстоятельствами.

Пожалуй, нет, – осторожно ответил я.

Тогда поставим вопрос иначе, – безотрывно глядя мне в глаза, проговорил Олег. Меня его изучающая манера разговора начинала потихоньку раздражать.

– Она – самое близкое доверенное лицо Богуславского. Достоверно известно, что в момент совершения теракта на «Гермесе» Миледи была с ним.

Теперь у меня уже не оставалось никаких сомнений: я хорошо, слишком хорошо знал эту женщину. Более того, я когда-то любил ее, и это чувство едва не погубило меня. У нее было много имен, и все фальшивые; Садовский знал ее как Сандру, для меня она была Валерией, для кого-то претенциозной Миледи или кем-то еще. Однако это ничего не меняло по существу: я не горел желанием встретиться с ней вновь. Вероятно, в это мгновение я еще не вполне сознавал всю безвыходность своего положения и потому тешил себя иллюзией свободы выбора, но Олег постепенно, шаг за шагом, подводил меня к черте, за которой выбора у меня не оставалось.

– Она тоже объявлена в розыск. На нее возбуждено уголовное дело по статьям «мошенничество», «причинение имущественного ущерба путем обмана» и «злоупотребление полномочиями аудитора». С вашей помощью мы надеемся на нее выйти. Сделайте ход конем. Это ваш единственный шанс.

– Скорей конь почувствует себя человеком, чем я сделаю ход конем, – не без некоторого пафоса ответил я. – Боюсь, ничем не смогу быть вам полезным.

– Не торопитесь с ответом. Я поясню, почему остановил свой выбор именно на вас, – терпеливо продолжал Олег. – Во-первых, потому что этим делом в настоящее время занимается Анята...

– В Непале?

– Да, в Непале. И ей нужна ваша поддержка.

Он мог не говорить больше ничего. Этого, для меня во всяком случае, было достаточно. Но я решил не форсировать события и выслушать все его доводы.

– Во-вторых, вы десять лет занимаетесь восточными единоборствами, а ваш друг Игнатий бывший морской пехотинец, мастер рукопашного боя.

– У вас и своих мастеров хоть пруд пруди.

– Такого уровня, поверьте моему опыту, раз-два, и обчелся. Специфика задания, которое мы хотим вам дать, связана с боевыми искусствами. В одном из буддийских монастырей Тибета весной следующего года состоится состязания, в которых примут участие сильнейшие бойцы из всех стран мира. Проводятся они неофициально, поскольку представляют собой достаточно кровавое зрелище. Разрешено все. Одним словом, бои без правил в худшем варианте – без учета стилей, направлений и весовых категорий. Победа для нас, разумеется, не главное. Главное – участие. Симулируйте поражение в первом же поединке. Ваша задача – выяснить, где находится Миледи, и сообщить об этом нам. По нашим сведениям, именно она управляет всеми этими делами. Это, так сказать, промежуточная цель. Через Миледи мы рассчитываем добраться до Богуславского. Но для того, чтобы хотя бы приблизиться к ней, нам необходимо получить карт-бланш на участие в боях без правил. А это сложно. Могут возникнуть подозрения, а, следовательно, риск подвергнуться серьезной опасности. У меня есть план, который я хочу обсудить с вами и вашим другом Игнатием. Но об этом позже... Сначала о гарантиях вашей личной безопасности, в случае, разумеется, успеха всей операции. Мы можем предоставить вам возможность сменить фамилию и место жительства, получить ссуду для обустройства и начать, так сказать, новую жизнь. Можем оказать содействие в получении иностранного

гражданства. Но мне кажется, делать этого не стоит. У нас есть другие рычаги, чтобы уладить все проблемы с чеченским тейпом, который объявил на вас охоту. Экономические...

– И как вы собираетесь на них воздействовать, если даже зарплату вам не платят вовремя? – вполне резонно, как мне показалось, усомнился в его доводах я.

– У нас есть кое-какие материалы на подконтрольные им фирмы. Если мы дадим им ход, вайнахская группировка понесет большие финансовые убытки. Кроме того, мы можем спровоцировать новую войну между чеченцами и местным криминальным сообществом, которым руководит все тот же Богуславский. Поверьте, в нашем арсенале достаточно сил и средств, чтобы сыграть на противоречиях криминалитета и вывести из-под удара нужных нам людей.

– Вы можете дать нам какие-то письменные гарантии?

– Разумеется, нет. Для вашей же безопасности. Но единственной письменной гарантией в случае вашего отказа станет свидетельство о смерти. Что касается меня, то я не испытаю от этого никакого удовольствия. Вы внушаете мне симпатию. И доверие, – сказал Олег. Мне трудно было судить, насколько он искренен и вообще, бывают ли искренними люди его профессии, но я поверил ему.

– Пусть будет по-вашему. Я согласен. При условии, что вы позаботитесь о безопасности моей семьи.

– Об этом можете не беспокоиться. Насчет Игнатия... Наш человек уже встретился с ним, и теперь мы очень рассчитываем получить его согласие на участие в операции не позже завтрашнего утра. С вами, будем считать, вопрос уже решен. Встретимся завтра здесь же в девять ноль-ноль. Пропуск я закажу, охрану в течение оставшихся суток организую. Хотя не думаю, что второй киллер объявится раньше чем через неделю. Проблем с МВД у вас не будет.

Он пожал мне руку, все так же неотрывно глядя мне в глаза и как бы выискивая в их выражении какой-то потайной смысл. «У него нет друзей, – почему-то подумал я. – При такой работе им просто неоткуда взяться».

– Можно один, всего один вопрос? – спросил я напоследок.

– Пожалуйста.

– Если бы я стал упорствовать, что бы вы со мной сделали? Ведь у вас был припасен еще один, а может, и не один аргумент?

– Вы правы, – широко улыбнулся Олег. Он впервые позволил себе так непосредственно выразить свои эмоции. – На вас бы повесили убийство киллера. Поверьте, экспертиза неопровержимо доказала бы, что стреляли вы, трех свидетелей и орудие преступления мы бы нашли, и тогда вам волей-неволей пришлось согласиться с нами сотрудничать. Но я был почему-то уверен: до этого дело не дойдет. И, как видите, оказался прав.

– Как все просто, – так же широко, хотя и несколько двусмысленно, улыбнулся я в ответ.

– Как видите. Мы живем далеко не в идеальном мире. Но хочу вас немного утешить: все текущие расходы по операции мы берем на себя. Остальное зависит от вас. Да будет вам известно, призовой фонд боев без правил – полтора миллиона долларов.

* * *

Домой, точнее, в келью я возвращался на трамвае без амортизаторов: зубы мои мелко стучали то ли от вибрации, то ли от страха, и вообще мое состояние иначе как предпаническим назвать было нельзя. Ощущение смертельной опасности, которой я подвергся два часа назад, овладело мной с новой силой и даже превзошло тот жуткий тремор, который мне пришлось испытать под дулом автомата. Я не успел ничего понять, не успел даже как следует испугаться – все разрешилось так стремительно, что страх как таковой остался на поверхности. Он пришел позже. Он всегда приходит позже. Во мне стала постепенно развиваться мания преследования – все вокруг казалось враждебным и глубоко подозрительным. Особенно зловеще выглядел

мужичонка, севший в трамвай возле рынка, с отрезанной свиной головой в кошелке. Окровавленные уши свиньи выбивались наружу сквозь крупные ячейки сетки, заплывшие глазки таили в себе какую-то злую иронию, а деформированный, вымазанный в грязи пятак был и вовсе ужасен. Мне почему-то подумалось: именно в таком обличье приходит смерть. Почему сицилийская мафия, объявляющая своим кровным врагам вендетту, присылает им в качестве предупреждения рыбу? Свежеотрезанная свиная голова выглядела бы эффективнее.

Мелькнувший в потоке машин кремовый «жигуленок» немного приободрил меня; знакомая дверца с таким милым сердцу матерным словом была словно дружеский привет, обнадеживающая весточка, знак providения, хранившего мою заблудшую душу. Олег сдержал свое слово: охрана следовала за мной неотступно – куда я, туда и она.

Как хорошо быть маленьким незаметным человечком, каким-нибудь Акакием Акакиевичем, и ходить по городу, завернувшись в гоголевскую шинель. Все мы вышли из нее. Из нее и из семейных трусов Василия Макарыча Шукшина...

В вагон вошла полная женщина с вычурной, как люстра Чижевского, прической. Где будем делать талию? Она недобро покосилась на меня, очевидно, подумав: «Ну и рожа. Увидишь во сне – не проснешься». Я же пришел к выводу, что для меня она не опасна, хотя в ее прическе можно было припрятать не меньше дюжины тонких стилетов.

Мания преследования, кажется, пошла на убыль, сменившись припадком смешливости. Нервы мои были явно не в порядке: как говорится, я себя чувствовал, но плохо. Наконец, трамвай додребезжал до храма, и я с божьей помощью с него сошел.

Игнатий, которого мне не терпелось как можно скорее увидеть, как назло отсутствовал, отлучившись по неотложным делам, связанным с ремонтом церкви, но служки подтвердили – с утра к нему приходил какой-то человек, по виду очень серьезный и хорошо одетый, и они разговаривали не меньше часа с глазу на глаз. «А, тет-а-тет, как Нельсон с Кутузовым», – непроизвольно хихикнул я и под недоуменные взгляды служителей культа удалился в свою келью. Запершись изнутри, лег на кровать и в который раз попытался сосредоточиться. «Мои мысли мои скакуны», этот одичавший табун, этот рой беспокойных пчел (с чем еще можно сравнить невообразимую кашу в голове, нескончаемый поток бредовых мыслей), эта вакханалия догадок, предположений, гипотез и прозрений – все это никак не хотело выстраиваться в ясную картину моего настоящего и предполагаемого будущего. И тогда я решил плясать не от большого, а от своего маленького, очень маленького «я». Что будет с людьми, которые мне дороги, если со мной что-нибудь случится? Жена моя Светлана останется безутешной, но, учитывая последствия нашей крупной размолвки, продлится это не слишком долго. Возможно, имеет смысл исчезнуть из ее жизни навсегда. Даже если мое маленькое, очень маленькое «я» выйдет из воды сухим, у него есть полное право сменить свою прежнюю фамилию на новую, более благозвучную или, скажем, родовитую. Таким образом, Светлана, как ни грустно мне это сознавать, потеряет в моем лице немного. Но дочь – моя дочь – останется без отца. И эта мысль для меня была невыносима. Теперь Садовский. Я не привык бросать своих друзей в беде. Уверен, они ответили бы мне тем же. Следовательно, предложение ФСБ пришлось как нельзя более кстати. Не знаю, какие монстры и убийцы соберутся в буддийском монастыре, но попытаться счастья ради того, чтобы вызволить из неволи Садовского, пожалуй, стоит. Вот только согласится ли помочь Игнатий? Если кто-нибудь из нас дойдет хотя бы до четвертьфинала, заработанных денег наверняка хватит и на выкуп, и на завершение ремонта храма. Этот вариант развития событий привлекал меня еще и тем, что позволял избавиться от абсурдных притязаний моего босса в юбке (теперь уже бывшего босса) и снимал с меня всякую финансовую ответственность, которая исчислялась суммой в несколько тысяч долларов и была эквивалентна тюремному хеппи-энду. Оставалось лишь решить вопрос с сестрой Садовского и через нее договориться с бандитами а) об изменении первоначальной суммы выкупа и б) о его отсрочке. Наконец, последнее. Операция, в которой мне предлагалось принять участие, позволяла увидеться с

Анютой, моей солнечной женщиной, и ради этого, ради одного только сладкого мига свидания с ней на непальской (или любой другой) земле, я готов был свернуть горы. Робкая надежда на робкое счастье. На что еще я мог надеяться? На продолжение нашего бурного романа? На какие-то более прочные узы? Иногда я ловлю себя на мысли, как мало в моей жизни любви. Каждодневные обязанности, пустые хлопоты, тщетные усилия наполнить свое существование смыслом – откуда здесь взяться любви? Даже если и промелькнет она случайно, долго не задержится. Любви никогда не бывает слишком много. Ее трудно найти, встретить или достичь, но еще трудней удержать. Я не мог требовать от Анюты слишком многого, не мог рассчитывать на взаимность. За время, прошедшее после нашей последней встречи, за три отнюдь не сказочных года могло многое измениться. К сожалению, вероятность необратимых перемен, особенно в отношении меня, была очень велика. Я никогда не терял голову от любви, хотя и кружилась она изрядно, но потерять Анюту, пусть даже в какой-то несуществующей реальности, не хотел. Наша виртуальная любовь, питавшаяся исключительно воспоминаниями, была чрезвычайно хрупка, и новая встреча могла попросту убить ее.

Я постарался не думать об этом и, прежде чем что-либо предпринять, решил составить список первоочередных дел. Перебрав в уме все пункты в порядке убывания их важности, я понял, что дел у меня не так уж много. Если вычесть завещание ближайшим родственникам, согласно которому моя квартира, все движимое имущество, включая книги, коллекцию солдатиков и кота, отходило к жене и дочери, а все домашние растения и кухонная утварь – теще, то мне следовало написать два, всего два письма. Одно из них было адресовано Светлане.

Я долго промучился над его черновиком, и в конце концов после непосильных творческих мук состоялся акт рождения образчика эпистолярного жанра следующего содержания: «Дорогая Светлана, любезная моя жена! Извини, что не смог с вами попрощаться (с тобой и нашей маленькой дочуркой) – я уезжаю в срочную командировку, и когда буду – неизвестно. Не держи на меня зла. Если ты согласна начать все с начала, я тоже готов попробовать. Увидимся мы не скоро. Быть может, это и к лучшему. Но я постараюсь думать о тебе, а ты постарайся думать обо мне, разговаривать со мной, посылать мне воздушные поцелуи. Я очень люблю воздушные поцелуи, прилетающие издалека. Обещай мне, что не будешь из-за меня волноваться. А чтобы я не беспокоился о вас, поезжайте к нашему другу лесничему и поживите у него с месяц-другой на шишкосушилке (ты помнишь, это самая большая шишкосушилка в области) или в домике лесника, где мы встречали с тобой Новый год. На этом простимся – твой Дмитрий».

Письмо это не нравилось мне. Было в нем что-то несерьезное, неуместно-игривое и где-то даже фиглярское. Но именно такой тон, обычный, ничем нестораживающий, мог бы успокоить Светлану. Ей и нашей дочурке, по-видимому, тоже могла угрожать опасность. Я не стал ничего исправлять или переписывать. Что есть, то есть. К тому же у меня не было твердой уверенности в моем скором возвращении в пенаты. Какое-то предчувствие подсказывало мне: я еще столкнусь с непростым выбором и если уцелею, возможно, предпочту сказаться пропавшим без вести, чтобы не возвращаться к своей прежней жизни. Федеральная служба безопасности была готова предоставить мне волшебный шанс стать другим человеком, гражданином другой страны, и я не исключал вероятности того, что этим шансом когда-нибудь воспользуюсь.

Следующее письмо я написал сестре Садовского. В нем я просил ее не торопиться с продажей квартиры и по мере возможности затягивать переговоры с бандитами, обещая выплатить часть затребованной суммы в первом полугодии следующего года. За это время я надеялся решить денежную проблему собственными силами или с помощью своих друзей (в их число я включал и сотрудников ФСБ, которых собирался посвятить в детали, касающиеся похищения Садовского). Можно было, конечно, обратиться и в милицию, хотя похитители настоятельно

не рекомендовали этого делать, но уверенности в том, что она своей топорной работой не загубит все на корню, не было.

Когда письма были запечатаны и брошены в почтовый ящик, я почувствовал страшную усталость – и моральную, и физическую. Зверски захотелось спать. Наверное, это была реакция организма на психические перегрузки. Едва коснувшись головой подушки, я в буквальном смысле провалился в сон, свинцово-тяжелый и мутный, как предрассветный туман. Спустя целую вечность, в продолжение которой моя душа блуждала в неведомых горних высях или бездонных пропастях, меня разбудил настойчивый стук в дверь. Я поднялся с кровати и, предварительно поинтересовавшись, кто соблаговолил посетить отшельника в его уединенной келье, открыл. Передо мной стоял Игнатий с графином водки и банкой соленых огурцов. Эффект дежавю. Мне показалось, что это уже когда-то было. Я даже знал, о чем мы будем с ним говорить, но не имел ничего против повторения застолья и неспешной духовной беседы. Игнатий молча сел за стол и разлил по рюмкам отнюдь не святую воду.

– Я не спрашиваю, будешь ли ты, но интересуюсь, не мелка ли посуда.

– Говорят, если выпить стакан водки наперстком, упадешь запертво.

– Не будем проводить столь бесчеловечный эксперимент. Просто выпьем, – сказал протоиерей. Он был задумчив. Русскому человеку пристало пить водку задумчиво. Я легко согласился бы с этим, тем более что причин для веселья у нас не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.